

Аксель Панцер

ЭММА

роман

Аксель Панцер

Эмма

<https://litres.ru/74518248>

SelfPub; 2026

Аннотация

1941 год. Семнадцатилетняя Эмма мечтает стать учительницей, но война в одно мгновение меняет её жизнь. Вместо педагогического училища — депортация, Казахстан, труд, потери и годы ограничений. Сохраняя семейный букварь, язык и память об отце, Эмма постепенно понимает: слова живут не только в книгах — они остаются в тех, кому их передают. Это роман о взрослении, памяти, достоинстве и тихой силе человека продолжать свой путь.

Аксель Панцер

Эмма

Аксель Панцер

ЭММА

роман

СВІДОЦТВО
ПРО ЗАКІНЧЕННЯ СЕРЕДЬНОЇ ШКОЛИ

Українська мова і література
Російська мова і література
Математика
Історія СРСР
Географія
Груродляцтво
Фізика
Хімія
Іноземна мова
Грудковє завдання
Поведінка

відмінно
добре
добре
добре
добре
добре
добре
добре
добре
відмінно

Директор школи
Випускні

червень 1941 р.

Глава первая

Последний звонок

В тот день Эмме казалось, что впереди у неё целая жизнь и что жизнь эта уже почти устроена. Она знала, где будет учиться осенью, хотя ещё не держала в руках ни студенческого билета, ни бумаги о зачислении. Знала, какую дорогу будет проходить от общежития до педагогического училища. Знала даже — сама не могла бы объяснить откуда, — что в её будущем классе будут три высоких окна и большая чёрная доска, которую придётся каждый вечер протирать мокрой тряпкой. Она станет учительницей. Эта мысль давно перестала быть мечтой и сделалась чем-то почти вещественным, как платье, приготовленное к воскресенью, как чемодан на верхней полке шкафа, как билет, который ещё не куплен, но поезд непременно придёт.

Последний школьный день выдался жарким. Солнце поднялось рано и к восьми часам уже выбелило пыльную дорогу между домами. От степи тянуло нагретой травой, полынью и землёй. За огородами начинались поля, и ветер проходил над молодой пшеницей длинными волнами, будто гладил её ладонью. Посёлок лежал в стороне от большой дороги. Здесь жили немцы уже несколько поколений. Старики ещё называли его по-старому — Нейдорфом, хотя на картах и в бумагах давно стояло другое название. Это новое название употребляли в сельсовете, школе и на почте, а старое оставалось для

дома, разговоров за столом и писем родственникам. В центре посёлка стояла школа — длинное одноэтажное здание с белыми стенами и четырьмя тополями перед окнами.

В то утро возле неё было непривычно шумно. Девочки пришли в светлых платьях, мальчики — в выглаженных рубашках. Кто-то принёс сирень, кто-то садовые пионы. На крыльце поставили стол, покрытый красной тканью, а возле него несколько стульев для учителей. Эмма стояла рядом со своей подругой Кларой и всё время поправляла воротник.

— Перестань, — сказала Клара. — Ты его скоро оторвёшь.

— Криво сидит.

— Нормально сидит.

— Тебе легко говорить.

— Почему это?

— Ты красивая.

Клара засмеялась.

— Значит, тебе воротник мешает быть красивой?

Эмма тоже улыбнулась и наконец убрала руки. Она была высокой для своих семнадцати лет, немного худой, с прямыми светло-русыми волосами, которые мать сегодня утром долго заплетала, несмотря на протесты дочери.

— Последний раз идёшь в школу девочкой, — сказала тогда Анна. — Позволь хоть косы сделать как следует.

— Мам, мне семнадцать.

— А завтра восемнадцать?

— Нет.

— Значит, сегодня ещё можно.

Теперь косы лежали на плечах, перевязанные белыми лентами, и Эмме казалось, что из-за них она выглядит младше всех. Но когда директор школы начал говорить о выпускниках, о новой жизни и ответственности перед страной, Эмма вдруг забыла и о косах, и о воротнике. Он говорил долго. Про труд. Про знания. Про то, что страна нуждается в молодых специалистах. Про учителей, врачей, агрономов, инженеров. Когда он произнёс слово «учителя», Эмма невольно выпрямилась. Клара толкнула её локтем.

— Это про тебя.

— Тихо.

— Товарищ Вайс будет детей мучить чистописанием.

Эмма хотела ответить, но директор уже называл фамилии выпускников.

Когда прозвучало: — Вайс Эмма Яковлевна, — она шагнула к столу. Учительница русского языка, Мария Ивановна, вручила ей свидетельство и задержала руку чуть дольше, чем требовалось.

— Поступать будешь?

— Буду.

— В педагогическое?

— Да.

— Хорошо.

Мария Ивановна улыбнулась.

— Из тебя получится учительница.

Эмма почувствовала, что краснеет.

— Почему?

— Потому что ты умеешь объяснять, когда человек не понимает. А это важнее, чем знать ответ самой.

Эмма запомнила эти слова. Позже ей предстояло помнить их очень долго. После торжественной части все разошлись по школьному двору. Кто-то фотографировался у крыльца. Мальчишки затеяли спор, кто первым поступит в институт. Девочки обнимались и обещали писать друг другу каждую неделю. Эмма отошла к одному из тополей. Отсюда было видно почти весь посёлок. Белые дома. Крыши. Пыльная дорога. Вдали — колхозные поля. Ещё дальше степь соединялась с небом так ровно, что невозможно было понять, где заканчивается земля. Эмма вдруг подумала, что осенью увидит всё это уже из окна поезда. Мысль оказалась неприятной. Она ведь сама хотела уехать. Ждала этого несколько лет. И всё же теперь, когда отъезд становился настоящим, оказалось, что существует множество вещей, которые раньше она даже не замечала и которые вдруг стало жалко оставлять.

Калитку дома. Тень от шелковицы. Старую скамью возле сарая. Запах хлеба по субботам. Шум ведра в колодце. Даже Пауля, который брал её карандаши и никогда не возвращал на место.

— Ты чего?

Рядом стояла Клара.

— Ничего.

— Грустишь?

— Немного.

— Через три месяца забудешь наш Нейдорф.

Эмма посмотрела на неё.

— Не забуду.

— Все так говорят.

Клара сорвала лист тополя и принялась рвать его на узкие полоски.

— Вот увидишь. Город, училище, кино. Может, жениха найдёшь.

— Мне учиться надо.

— Одно другому не мешает.

Эмма рассмеялась.

— А ты?

— Что я?

— Куда поступать будешь?

Клара пожала плечами.

— Отец говорит, дома работы хватает.

Они помолчали.

Потом Клара неожиданно сказала:

— Ты правда хочешь всю жизнь с детьми?

— Правда.

— Они шумят.

— Пусть шумят.

— Не слушаются.

— Научатся.

— А если не научатся?

Эмма посмотрела на окна школы. За стеклом была видна доска с оставшимися после последнего урока белыми словами.

— Тогда я ещё раз объясню.

Клара фыркнула.

— Вот потому тебя и возьмут.

Домой Эмма пошла одна. Она нарочно не спешила. Праздничные туфли быстро покрылись пылью, и Эмма сняла их, взяла в руку и пошла босиком. Земля была тёплая. Возле канавы стрекотали кузнечики. У дома она увидела отца. Якоб стоял возле сарая, склонившись над разобранным насосом. Рядом на старой мешковине лежали болты, шайбы и металлические детали. Он работал в мастерской при колхозе и, по мнению Эммы, умел починить всё, что вообще можно было починить. Если вещь переставала работать, отец сначала долго смотрел на неё, потом снимал кепку, проводил ладонью по волосам и говорил:

— Посмотрим.

После этого вещь обычно начинала работать.

— Папа!

Якоб поднял голову.

— Ну?

Эмма спрятала свидетельство за спину.

— Угадай.

— Отчислили?

— Папа!

— Значит, не угадал.

Он вытер руки тряпкой. Эмма протянула ему свидетельство. Якоб взял его очень осторожно, словно бумага была тонким стеклом. Он читал медленно. Не потому, что плохо умел читать, — просто любые документы он всегда изучал именно так. Потом вернул дочери.

— Хорошо.

Эмма ждала.

— И всё?

— А что ещё?

— Не знаю.

— Молодец.

Он улыбнулся. Теперь этого было достаточно. Эмма обняла его. От рубашки отца пахло машинным маслом, железом и табаком.

— Испачкаешь платье.

— Уже.

Якоб посмотрел на белую ткань, где действительно осталось небольшое серое пятно.

— Мать нас обоих убьёт.

— Скажем, Клара толкнула.

— Клара хорошая девочка. Зачем на неё наговаривать?

— Тогда скажем, ты виноват.

— Вот это уже похоже на правду.

Из дома вышел Пауль.

— Мама сказала обедать!

Он увидел свидетельство.

— Это всё?

— Что всё?

— Школа закончилась?

— Закончилась.

Пауль некоторое время смотрел на сестру так, словно она совершила что-то невероятное.

— И больше никогда?

— Никогда.

— Везёт.

— Подожди четыре года.

— Долго.

— Быстро пройдёт.

Пауль недоверчиво покачал головой. Ему было двенадцать, и четыре года для него равнялись примерно половине известной истории человечества. За столом мать приготовила праздничный обед. Не настоящий праздник — без гостей и долгих тостов, — но на столе стояла миска лапши с курицей и пирог с вишнями. Лиза сидела на своём месте и ковыряла вилкой край тарелки.

— Лизхен, — сказала мать.

Девочка убрала руку.

— Я ничего.

— Вижу.

Анна разлила суп. Она была невысокой женщиной с тёмными волосами, которые почти всегда носила собранными на затылке. У неё были спокойные серые глаза и привычка слегка поджимать губы, когда она волновалась или старалась чего-то не сказать. Сегодня она часто смотрела на Эмму.

— Значит, всё?

— Всё.

— Совсем закончила?

— Мам, свидетельство дали.

— Свидетельство можно дать. Я спрашиваю — закончила?

Якоб усмехнулся.

— Анна, она одиннадцать лет туда ходила. Думаю, хватит.

— Десять.

— Тем более.

Мать поставила кастрюлю на стол.

— Я помню, как мы её первый раз отвели. Ревела.

— Не ревела, — возразила Эмма.

— Ревела.

— Это Пауль ревел.

— Меня тогда вообще не было в школе! — возмутился Пауль.

— Вот видишь, — сказала Эмма.

Анна улыбнулась.

— А букварь?

Эмма замолчала.

— Что букварь?

— С букварём спала первые две недели.

Якоб засмеялся.

— Это правда.

— Неправда.

— Правда, — сказал отец. — Под подушку клала.

Лиза немедленно заинтересовалась.

— Какой букварь?

— Старый, — ответила мать.

— Где он?

Эмма опустила глаза в тарелку.

— Где-то лежит.

— Покажи.

— Потом.

— Сейчас.

— Лиза, ешь.

Девочка вздохнула. Эмма мельком посмотрела на отца. Он ничего не сказал. После обеда она поднялась в свою комнату. Комната была маленькая, и до недавнего времени Эмма делила её с Лизой, но зимой отец поставил в проходной комнате кровать для младшей дочери.

— Выпускнице надо заниматься, — объявил он.

Теперь здесь стояли кровать, стол, шкаф и небольшой деревянный стеллаж с книгами. Эмма закрыла дверь. Села на колени возле шкафа. В самом низу лежала коробка, в которой хранились старые школьные тетради, открытки,

несколько фотографий и высохшие цветы. Под ними находилась книга. Эмма достала её. Переплёт когда-то был ярким, но теперь выцвел. На обложке ещё можно было разобрать крупные буквы:

FIBEL.

Немецкий букварь. Он был старше Эммы. Отец рассказывал, что по нему когда-то учился читать его старший брат, потом сам Якоб, а много лет спустя — Эмма. Книга сохранила следы всех своих учеников. На одной странице кто-то давно поставил чернильную кляксу. На другой маленькая Эмма нарисовала карандашом человечка. Отец тогда рассердился.

— Книга не для рисования.

— А для чего?

— Для чтения.

— А если картинка красивая?

— Всё равно.

Он заставил её стереть рисунок. Но человечек остался. Тонкий, почти невидимый. Эмма перелистнула несколько страниц. Она помнила картинки. Дом. Дерево. Мальчик. Яблоко. Мама. Отец. Простые слова, из которых когда-то начинался весь мир. На внутренней стороне обложки был отцовский почерк. Эмма провела пальцем по буквам.

Für Emma.

Ниже:

Die Wörter bleiben, wenn vieles andere vergeht.

Она прочитала про себя: Слова остаются, когда многое

другое исчезает.

Когда отец написал это, Эмме было семь лет. Тогда она спросила:

— А что может исчезнуть?

Якоб ответил:

— Многое.

— Дом?

— Может быть.

— Дерево?

— Может.

— Люди?

Тогда отец почему-то не ответил сразу. Потом сказал:

— Поэтому нужно помнить слова.

В семь лет она ничего не поняла. Теперь эти слова казались ей красивыми, хотя смысл их по-прежнему оставался немного туманным. Она положила букварь на стол. Рядом лежало свидетельство об окончании школы. Две книги. Одна — начало. Другая — будто окончание. Эмма долго смотрела на них. Потом раскрыла чистую тетрадь и написала на первой странице: Педагогическое училище. Ниже: 1941 год. Она представила сентябрь. Поезд. Город. Коридоры училища. Лекции. Большие окна. Библиотеку. А потом собственный класс. Она будет стоять возле доски. Перед ней будут дети. Совсем маленькие. Такие, как Лиза. Она напишет мелом первую букву. «А». Повернётся к классу.

— Кто знает, что это?

И множество рук поднимутся вверх. Эмма улыбнулась.

Из окна донёсся голос матери:

— Эмма!

Она закрыла тетрадь.

— Сейчас!

Во дворе отец и Пауль вытаскивали из сарая старый велосипед. Лиза сидела возле крыльца и перебирала зелёные вишни. Анна развешивала бельё. Обычный летний вечер входил во двор неторопливо, словно впереди было ещё бесконечно много таких вечеров. Эмма спустилась с крыльца.

— Что делать?

— Помоги снять простыни.

Она подошла к верёвке. Белая ткань пахла солнцем и мылом. За крышами медленно опускался закат. На колхозной дороге прошла машина, подняв облако пыли. Где-то далеко лаяла собака. Отец перевернул велосипед колёсами вверх. Пауль крутил педаль. Лиза пела что-то себе под нос. Эмма снимала бельё и думала о городе. Никто из них в тот вечер не говорил о войне. Конечно, о ней слышали. В газетах писали о Европе. Мужчины иногда спорили возле мастерской. По радио называли страны, города, фамилии политиков. Но всё это происходило где-то далеко. Там. За сотнями километров. За границами. За картами, которые висели в школе. Здесь же созревали вишни. Колосилась пшеница. В воскресенье собирались печь хлеб.

А осенью Эмма должна была поступать в педагогическое

училище. Мир казался огромным. И одновременно таким надёжным, что представить его исчезновение было невозможно. Перед сном Эмма снова открыла шкаф. Она хотела положить букварь обратно в коробку, но почему-то передумала. Поставила его на полку рядом со школьными учебниками. Корешком наружу.

FIBEL.

Потом легла и погасила свет. Через открытое окно входил тёплый воздух. Где-то в темноте стрекотали сверчки. Эмма лежала, подложив руку под голову, и думала о будущем. До вступительных экзаменов оставалось меньше трёх месяцев. Она заснула с уверенностью, доступной только очень молодым людям: всё, что задумано, обязательно произойдёт.

Через несколько дней радио принесёт в этот дом совсем другие слова. А меньше чем через три месяца Эмма действительно сядет в поезд. Только поезд пойдёт совсем не туда, куда она собиралась.

Глава вторая

Двадцать второе июня

Утро двадцать второго июня началось с запаха хлеба. Эмма проснулась рано, хотя было воскресенье и можно было спать дольше. В комнате уже стоял тот особенный летний свет, который появляется раньше людей и, кажется, раньше самого дня: бледный, прозрачный, почти белый. Она лежала несколько минут, слушая дом. На кухне мать переставляла посуду. Где-то скрипнула дверь. Во дворе отец кашля-

нул. Потом хлопнуло ведро у колодца. Всё было как всегда. Эмма перевернулась на другой бок и закрыла глаза. Сегодня она собиралась заняться вступительными заданиями. Мария Ивановна дала ей несколько книг и старую тетрадь с диктантами.

— Не думай, что после школы можно отдыхать, — сказала учительница. — В училище таких, как ты, будет много.

— Каких?

— Уверенных, что они всё знают.

Эмма тогда рассмеялась. Теперь тетрадь лежала на столе раскрытой. Вчера вечером она переписала два текста и подчеркнула слова, в которых сомневалась. «Предварительный». «Преподавание». «Мировоззрение». Последнее слово казалось ей особенно серьёзным. Она произнесла его про себя. Ми-ро-воз-зре-ни-е. Странно было думать, что у человека может быть целое воззрение на мир. Эмма пока не знала, какое оно у неё. Она просто хотела учить детей. Ей казалось, этого достаточно.

Из кухни донёсся голос матери:

— Эмма!

— Встаю!

— Я не спрашивала, встаёшь ты или нет!

— Тогда зачем звала?

Ответа не последовало. Эмма улыбнулась. Она встала, накинула платье, заплела волосы и вышла во двор. Солнце ещё не поднялось высоко, но земля уже начинала прогреваться.

Отец стоял возле колодца. В руках у него была жестяная кружка. Он пил воду медленно, маленькими глотками.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Ты сегодня в мастерскую?

— Нет.

— Совсем?

— Воскресенье.

— Ты иногда и в воскресенье работаешь.

Якоб поставил кружку на край колодца.

— Сегодня не буду.

Это почему-то обрадовало Эмму. Последнее время отец часто задерживался в мастерской. В колхозе готовили технику, ремонтировали тракторы, меняли детали, которые нигде было достать, и отец возвращался затемно.

— Тогда после обеда посмотришь мои задания?

— Я что, учитель?

— Ты всё знаешь.

— Это опасное заблуждение.

— Ты знаешь больше мамы.

Из кухни немедленно донеслось:

— Я всё слышу!

Якоб усмехнулся.

— Теперь сама выкручивайся.

За завтраком мать разрежала хлеб. Хлеб был свежий, ещё тёплый, с тёмной коркой. Анна пекла его раз в несколько

дней, и в такие утра запах заполнял весь дом. Лиза пыталась намазать варенье так, чтобы оно лежало только на середине куска. Пауль ел быстро.

— Не торопись, — сказала мать.

— Я не тороплюсь.

— Тогда почему глотаешь не жуя?

Пауль замедлил движение челюстей. Отец посмотрел на него.

— Теперь похоже на корову.

Лиза засмеялась. Пауль показал ей язык.

— Пауль!

— Она первая.

— Она ничего не делала.

— Она засмеялась.

— Это пока не преступление.

Эмма сидела возле окна. На подоконнике стояла чашка с васильками, которые Лиза принесла вчера с поля. За окном по дороге прошли две женщины с корзинами. Одна поздоровалась. Мать подняла руку.

— Сегодня после обеда к Шульцам пойдём, — сказала она.

— Зачем? — спросила Эмма.

— У Марты именины.

— Я хотела заниматься.

— Позанимаешься утром.

— Я могу не идти?

Анна посмотрела на неё.

— Можешь.

Потом добавила:

— Только Марта потом будет говорить, что мы возгордились, потому что дочь школу окончила.

— Она и так будет говорить.

— Вот поэтому и пойдём.

Якоб отломил кусок хлеба.

— Я не пойду.

— Почему?

— Я возгордился.

Эмма засмеялась. Мать покачала головой.

— Хорошая семья мне досталась.

— Другой уже не будет, — сказал отец.

Анна хотела что-то ответить, но в этот момент с улицы донёсся чей-то голос. Сначала никто не разобрал слов. Потом опять.

— Якоб!

Отец повернул голову. За калиткой стоял сосед, Фридрих Кляйн. Он был без кепки, хотя на улицу без неё почти не выходил.

— Якоб!

Отец поднялся.

— Что случилось?

Фридрих не вошёл во двор.

— Радио включи.

— Что?

— Радио.

— Зачем?

Фридрих несколько секунд смотрел на него. Лицо у него было странное. Не испуганное. Скорее растерянное.

— Говорят, война.

За столом стало тихо. Даже Пауль перестал жевать. Якоб подошёл к калитке.

— Какая война?

— С Германией.

Мать опустила нож. Металл тихо стукнул о тарелку.

Отец сказал:

— Кто говорит?

— В сельсовете слышали. Из района звонили. Сейчас по радио будут передавать.

Якоб ничего не ответил. Он вернулся в дом. Радиоприёмник стоял на небольшой полке возле окна. Старый, тёмный, с тканевой решёткой. Отец включил его. Сначала раздался треск. Потом свист. Потом музыка. Все стояли вокруг, будто от того, насколько близко они подойдут, можно было услышать больше.

— Это точно? — спросила мать.

Якоб поднял руку.

— Тише.

Музыка оборвалась. Послышался голос диктора. Эмма не сразу поняла смысл слов. Она слышала их по отдель-

сти. Нападение. Граница. Германские войска. Бомбардировка. Киев. Севастополь. Война. Слова проходили через комнату и словно не соединялись между собой. Она посмотрела на отца. Якоб стоял неподвижно. Только пальцы правой руки медленно сжимались и разжимались. Анна села.

Пауль спросил:

— Папа, это настоящая война?

Никто ему не ответил. Радио продолжало говорить. Эмма вдруг вспомнила школьную карту Европы. Она висела на стене кабинета географии. Германия была на ней небольшим цветным пятном. Советский Союз занимал почти половину карты. Когда учитель показывал границы, всё казалось ясным и далёким. Теперь это цветное пятно каким-то образом оказалось здесь. В их доме. В хлебе на столе. В лице отца. В молчании матери.

— Но почему? — спросила Лиза.

Анна притянула её к себе.

— Тихо.

— Почему война?

— Тихо, Лизхен.

Девочка посмотрела на мать и больше не спрашивала. Когда передача закончилась, отец выключил радио. Тишина стала тяжелее прежнего шума. На улице лаяла собака. Кто-то бежал по дороге. Хлопнула калитка соседнего дома.

Мать первой сказала:

— Что теперь?

Якоб посмотрел в окно.

— Ничего.

— Как это ничего?

— Сейчас ничего.

— Якоб.

— Анна, я не знаю.

Эмма никогда прежде не слышала, чтобы отец говорил эти слова. Он всегда знал. Как починить насос. Где достать ремень для машины. Когда будет дождь. Какой дорогой лучше ехать в район. Что делать, если Пауль разобьёт колено. Даже если он не знал, то говорил: «Посмотрим». Сейчас он сказал: «Я не знаю». И именно тогда Эмма впервые испугалась. Не радио. Не слова «война». Не Германии. Она испугалась отцовского незнания. К полудню возле сельсовета собралась половина посёлка. Люди стояли группами. Говорили одновременно. Каждый знал что-то своё. У одного брат жил возле границы. Другой слышал, что немецкие самолёты уже бомбили Киев. Третий утверждал, что война закончится через две недели.

— Наши их быстро погонят.

— Конечно.

— Они с ума сошли.

— На Советский Союз идти?

— Через месяц Берлин возьмём.

Эти слова повторяли многие. Громко. Уверенно. Чем громче они звучали, тем сильнее Эмме казалось, что никто

в них не уверен. Она пришла с отцом. Мать осталась дома с детьми. Возле крыльца сельсовета стоял председатель, Лебедев, полный мужчина в светлой рубашке. Он пытался перекричать толпу.

— Товарищи! Спокойно!

Никто не успокаивался.

— Товарищи!

Наконец стало немного тише.

— В районе объявлена мобилизация. Все военнообязанные должны ждать распоряжений. Колхоз работает в обычном порядке. Паники не разводить. Слухи не распространять.

Кто-то спросил:

— А фронт где?

— Не знаю.

— Киев бомбили?

— Было сообщение.

— Одессу?

— Не знаю.

— А наших немцев будут забирать?

Наступила короткая тишина. Эмма не увидела, кто задал вопрос. Только заметила, как отец рядом с ней чуть повернул голову. Председатель нахмурился.

— Каких «ваших немцев»?

Никто не ответил.

— Мы здесь все советские граждане. Понятно?

В толпе задвигались. Кто-то сказал:

— Понятно.

Председатель продолжил:

— Не надо сейчас глупости говорить.

Разговоры возобновились. Но Эмма уже почти не слушала. Она посмотрела на отца.

— Папа.

— Что?

— Почему он это спросил?

— Кто?

— Про немцев.

— Потому что дурак.

— А что он имел в виду?

Якоб посмотрел на неё.

— Ничего.

— Но...

— Эмма.

Она замолчала. Отец редко произносил её имя таким голосом. Они пошли домой. По дороге мимо проехала грузовая машина. В кузове сидели мужчины. Кто-то махнул рукой. Несколько женщин возле магазина заплакали.

— Их уже забирают? — спросила Эмма.

— Наверное, из соседнего села.

— На фронт?

— Куда же ещё?

Она некоторое время шла молча.

— Папа.

— Ну?

— А тебя могут забрать?

Якоб не ответил сразу.

— По возрасту могу подлежать.

Эмма почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Но ты же механик.

— И что?

— Тракторы кто будет ремонтировать?

Отец усмехнулся.

— Вот скажешь об этом военкому.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Тебя заберут?

— Не знаю.

Опять эти слова. В тот день они к Шульцам не пошли. Никто не пошёл. Именины Марты остались незамеченными. После обеда люди продолжали ходить от дома к дому. Каждый новый человек приносил новый слух. Говорили, что немцы разбомбили аэродромы. Что Красная армия уже перешла в наступление. Что Гитлер будет разбит за две недели. Что всех мужчин до пятидесяти лет отправят на фронт. Что немецкие колонисты должны явиться на регистрацию. Последний слух Анна услышала от соседки и сразу спросила:

— Кто сказал?

— Не знаю.

— Тогда зачем повторяешь?

— Все говорят.

— Все всегда говорят.

Соседка обиделась.

— Я предупредить пришла.

— Спасибо.

Когда она ушла, мать закрыла калитку. Эмма заметила это. Обычно днём калитку не запирали.

— Мам.

— Что?

— Зачем закрыла?

— Просто.

— От кого?

— Ни от кого.

Мать ушла в дом. Эмма осталась во дворе. Пауль и Лиза сидели возле сарая. Пауль строгал ножом палку.

— Что делаешь?

— Винтовку.

— Зачем?

— На войну пойду.

— Ты никуда не пойдёшь.

— Когда вырасту.

— К тому времени война закончится.

— Откуда ты знаешь?

Эмма хотела сказать: все знают. Но не сказала.

Лиза спросила:

— А немцы плохие?

Пауль поднял голову.

— Конечно.

— Все?

Он пожал плечами.

— Наверное.

Лиза посмотрела на Эмму.

— А мы?

Эмма замерла.

— Что мы?

— Мы же тоже немцы.

Пауль нахмурился.

— Мы не такие.

— Какие?

— Другие.

Лиза снова посмотрела на сестру.

— Какие другие?

Эмма села рядом.

— Мы здесь родились.

— И что?

— Мы советские.

— А немцы там тоже говорят по-немецки?

— Да.

— Как мы?

— Да.

— Тогда почему они плохие, а мы хорошие?

Пауль раздражённо сказал:

— Потому что они напали!

— А мы не напали?

— Нет!

— Почему?

— Потому что мы здесь!

— Пауль, не кричи, — сказала Эмма.

Он отвернулся. Лиза задумалась.

— А дедушка тоже немец?

— Да.

— А папа?

— Да.

— А ты?

— Да.

— А мама?

— Да.

— А почему тогда по радио говорят «немецкие войска», как будто это про нас?

Эмма не нашла ответа.

— Они не про нас.

— А про кого?

— Про тех, кто воюет.

Лиза удовлетворилась этим объяснением. Через несколько минут она уже играла камешками. Но Эмма продолжала думать. Она никогда прежде не задавалась вопросом, что значит быть немкой. Это было так же естественно, как цвет

волос или имя. Дома иногда говорили по-немецки. Особенно родители со стариками. В школе — по-русски. Песни знали разные. Праздники отмечали и государственные, и семейные. Никто не объяснял ей, где заканчивается одно и начинается другое. И вдруг оказалось, что слово «немец» может звучать по радио иначе. Не как язык. Не как происхождение. Как враг.

Вечером отец долго сидел возле приёмника. Передавали новости. Якоб слушал, наклонившись вперёд. Эмма устроилась у окна с тетрадью, но не написала ни одной строки. Слова диктанта расплывались. «Мировоззрение». Она смотрела на него. Утром оно казалось сложным и красивым. Теперь — совершенно ненужным.

Мать складывала бельё. Пауль и Лиза уже спали. Когда передача закончилась, Анна спросила:

— Завтра пойдёшь в мастерскую?

— Конечно.

— А если вызовут?

— Пойду.

— Куда?

— Куда скажут.

— Якоб.

Он посмотрел на неё.

— Что ты хочешь услышать?

— Ничего.

— Тогда не спрашивай.

Мать отвернулась. Эмма впервые увидела, что она плачет. Очень тихо. Так, чтобы отец не заметил. Но он заметил. Встал. Подошёл к ней. Положил руку на плечо.

— Анна.

Она вытерла лицо.

— Не надо.

— Ничего ещё не случилось.

— Уже случилось.

Отец промолчал. Позже, когда все разошлись спать, Эмма осталась одна на кухне. Она хотела попить воды. Луна освещала стол. На нём лежала сегодняшняя газета. Эмма взяла её. Там ещё ничего не было о войне. Газету отпечатали раньше. На первой странице писали об урожае. О выполнении плана. О рабочих. Она перелистнула страницу. Всё выглядело так, будто день прошёл совершенно обычно. Эмме стало не по себе. Утром этот мир ещё существовал.

К вечеру его уже не было. Она поставила стакан на место и пошла в свою комнату. Села на кровать. На полке стояли книги. Среди них — Fibel. Корешок был хорошо виден даже в темноте. Эмма протянула руку и достала букварь. Открыла. Знакомые картинки. Дом. Мальчик. Дерево. Мать. Отец. Она перелистнула несколько страниц. Немецкие слова вдруг выглядели иначе. Не так, как вчера. Она сама не могла объяснить почему.

Это был тот же язык, на котором мать иногда звала её:

— Emma, komm her.

Тот же язык, на котором бабушка рассказывала сказки. Тот же язык, на котором отец когда-то учил её читать. Но сегодня по радио этим же словом называли тех, кто перешёл границу.

Deutsche.

Немцы. Эмма закрыла книгу.

Ей впервые пришло в голову, что когда-нибудь кто-то может спросить:

— Зачем она тебе?

И ей придётся объяснять. Она поставила букварь обратно на полку. Потом подумала и сняла его снова. Открыла шкаф. Достала коробку. Положила книгу вниз, под старые тетради и фотографии. Сверху прикрыла платком. Это получилось само собой. Она ещё не боялась букваря. Ещё никто не запрещал ей хранить его. Никто не приходил с обыском. Никто не задавал вопросов. Но весь сегодняшний день словно научил её одному новому движению: прятать. Она закрыла шкаф. Подошла к окну. Над посёлком стояла тишина. Где-то далеко за полями мигал слабый огонь. Может быть, машина. Может быть, трактор. Может быть, просто чей-то фонарь. Эмма смотрела в темноту и пыталась представить себе войну. Танки. Самолёты. Солдаты.

Она видела всё это только в кино. Но война пока не пришла в Нейдорф ни танком, ни самолётом. Она вошла сюда иначе. Сначала одним словом из радиоприёмника. Потом вопросом возле сельсовета. Потом запертой калиткой.

Потом слезами матери. И наконец — старой детской книгой, которую вечером двадцать второго июня Эмма впервые спрятала от чужих глаз. Она ещё не знала, что вскоре придётся прятать гораздо больше. Немецкие слова. Семейные фотографии. Письма. Страх. Надежду. И однажды — память о собственном доме.

Глава третья

Списки

Через три дня после начала войны в посёлке перестали смеяться возле почты. Эмма заметила это не сразу. Раньше к полудню там всегда собирались люди: кто-то ждал письмо, кто-то заходил за газетой, кто-то просто останавливался поговорить. Мужчины спорили, женщины обсуждали цены, урожай, детей, болезни, свадьбы. Даже когда разговор был серьёзным, всё равно находился кто-нибудь, кто говорил что-нибудь смешное. Теперь возле почты стояли молча. Газеты разбирали ещё до обеда. Их читали на улице, передавая из рук в руки. На первых страницах были сводки. Названия городов. Направления ударов. Количество сбитых самолётов. Сообщения о героизме. Каждый читал одно и то же, но потом пересказывал своими словами, и к вечеру сведения уже становились другими.

— Наши наступают.

— Нет, отступают.

— Киев держится.

— Минск вроде оставили.

— Не может быть.

— Говорю тебе, брат из района слышал.

— А он откуда знает?

— От человека, который знает.

Так появлялись новости. Так появлялся страх. На четвёртый день пришло распоряжение о мобилизации. Сначала вызвали несколько мужчин. Потом ещё. Возле сельсовета с утра стояли подводы. Женщины приносили узлы с едой. Дети путались под ногами. Мужчины старались говорить громко и шутить. Некоторые выпили. Один человек пел. Он пел слишком весело, и от этого было особенно тяжело. Эмма пришла туда вместе с матерью. Якоб пока оставался дома: его фамилии в списке не было. Анна сказала, что надо проводить соседей. На самом деле она хотела убедиться, что имени мужа там нет. Эмма это понимала, но ничего не говорила. На крыльце сельсовета стоял тот же стол, на котором недавно лежали школьные бумаги. Теперь на нём были списки. Листы прижимали камнем, чтобы ветер не унёс.

Люди подходили по одному. Смотрели. Отходили.

Кто-то крестился. Кто-то матерился. Кто-то кричал жене:

— Ну вот! А ты говорила, не возьмут!

В стороне стоял Фридрих Кляйн. Его призывали. Жена держала за руку мальчика лет пяти. Фридрих увидел Якоба и подошёл.

— Тебя нет?

— Нет.

— Повезло.

Якоб нахмурился.

— Не знаю ещё, повезло ли.

Фридрих усмехнулся.

— А чего тут знать?

— Много чего.

Он сказал это тихо. Фридрих посмотрел на него, потом на Эмму.

— Дочка поступать собиралась?

— Собирается, — ответил Якоб.

—

Правиль-

Фридрих сунул руки в карманы.

— Учиться надо. Война войной, а жить всё равно придётся.

Его жена вдруг отвернулась. Эмма увидела, как она вытерла глаза рукавом. Фридрих сделал вид, что не заметил. Через час подводы тронулись. Дети побежали следом. Женщины махали руками.

Кто-то крикнул:

— Пишите!

Кто-то:

— Возвращайтесь!

Фридрих сидел на краю телеги. Он смотрел не на жену, а куда-то поверх домов. Когда телега скрылась за поворотом, люди ещё долго стояли на дороге. Будто ждали, что она вернётся. В мастерской работы стало больше. Тракторы ломались как будто чаще. Грузовики забирали в район. Детали снимали с одной машины, чтобы починить другую. Якоб приходил домой поздно. Он почти не говорил. Ел. Мыл руки. Слушал радио. Ложился.

Утром всё повторялось.

На шестой день после начала войны Эмма спросила:

— Папа, ты устал?

— Нет.

— Ты ничего не говоришь.

— А что говорить?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

Он сидел возле окна и разбирал старый карбюратор. Эмма наблюдала за ним. Обычно отец во время работы что-нибудь объяснял. Говорил, что эта деталь изношена. Эта ещё послужит. Эту сделали плохо. Эту можно подогнать. Теперь он молчал.

— В мастерской что-нибудь случилось?

— Нет.

— Точно?

Якоб поднял глаза.

— Эмма.

— Что?

— Не надо всё время спрашивать.

— Я просто...

— Знаю.

Он смягчился. Положил деталь на стол.

— Иди сюда.

Она подошла. Отец вытер пальцы.

— Послушай меня.

Эмма ждала.

— Если в посёлке что-нибудь говорят, не повторяй.

— Что именно?

— Ничего.

— Я не понимаю.

— И не надо понимать. Просто не говори лишнего.

— Я и не говорю.

— Хорошо.

Он снова взял карбюратор. Разговор закончился. Эмма ушла во двор. Но слова остались. Не говори лишнего. Она подумала: а что теперь считается лишним? Через неделю в школе сняли небольшую табличку, которая висела возле старого шкафа в учительской. Эмма узнала об этом от Марии Ивановны. Учительница позвала её помочь разобрать книги. Школьная библиотека была маленькой: два шкафа и несколько полок. Эмма любила здесь сидеть. Пахло пылью, бумагой и старым деревом.

— Эти сюда, — сказала Мария Ивановна. — А эти отдельно.

На столе лежали книги. Русские. Украинские. Несколько немецких. Эмма взяла одну.

— Почему отдельно?

Мария Ивановна не ответила. Она перебирала бумаги.

— Мария Ивановна?

— Потому что сказали.

— Кто?

— Из района.

— Что с ними будет?

— Не знаю.

Эмма посмотрела на стопку. Там были старые учебники. Сборник стихов. Тонкая детская книга.

— Их уберут?

— Наверное.

— Почему?

Учительница остановилась.

— Эмма, ты умная девочка.

— Я не понимаю.

— Иногда это полезно.

— Что полезно?

— Не понимать.

Она взяла у Эммы книгу.

— Положи сюда.

Эмма положила.

— А табличку зачем сняли?

— Какую?

— Здесь была.

Мария Ивановна посмотрела на шкаф. Раньше там действительно была небольшая металлическая пластинка с двумя надписями. На русском. И на немецком.

— Потому что теперь так надо.

— Но вчера было не надо.

— Вчера многое было иначе.

Эмма вспомнила слова отца. Не говори лишнего. Она замолчала. Когда работа закончилась, Мария Ивановна задержала её.

— Как подготовка?

— К чему?

— К училищу.

Эмма удивилась. Она почти забыла.

— Нормально.

— Занимаешься?

— Иногда.

— Иногда мало.

— Я знаю.

Учительница села за стол.

— Я написала в район.

— Зачем?

— Узнать про вступительные.

Эмма оживилась.

— И что?

— Пока всё по плану.

— Правда?

— Пока да.

Впервые за несколько дней Эмма улыбнулась.

— Значит, экзамены будут?

— Должны быть.

Мария Ивановна тоже улыбнулась.

— Война не отменяет грамматику.

Эта фраза Эмме понравилась. Она повторяла её про себя всю дорогу домой. Война не отменяет грамматику. В ней было что-то надёжное. Почти как обещание. Но уже на следующий день домой пришли двое мужчин. Один был из сельсовета. Эмма знала его — Семён Петрович, худой, с редкими волосами и привычкой моргать перед каждым словом. Второго она видела впервые. Он был в форме. Не военной, как у

солдат на фотографиях, а другой. Тёмной. Аккуратной. Он не снял фуражку, когда вошёл во двор. Анна как раз чистила картошку. Увидев мужчин, она встала.

— Якоб дома?

— Нет.

— Где?

— В мастерской.

Человек в форме посмотрел на Эмму.

— Дочь?

— Да.

— Сколько лет?

— Семнадцать.

— Ещё дети есть?

Мать вытерла руки о передник.

— Есть.

— Сколько?

— Двое.

— Муж работает где?

— В колхозной мастерской.

Семён Петрович всё это записывал. Эмма стояла возле двери. Она не понимала, зачем он пишет то, что и так знают. В посёлке все знали друг друга.

— Национальность? — спросил человек в форме.

Мать замерла. Всего на секунду. Потом ответила:

— Немцы.

Мужчина кивнул. Семён Петрович записал. Эмме стало

холодно, хотя день был жарким.

— Все члены семьи немцы?

— Да.

— Родились здесь?

— Мы с мужем — да.

— Родители?

— Тоже здесь.

— Родственники за границей есть?

Анна посмотрела на него.

— Нет.

— В Германии?

— Нет.

— Переписка была?

— Какая переписка?

— С родственниками.

— Нет у нас там родственников.

Мужчина посмотрел на дом. На окна. На дверь. Потом спросил:

— Радиоприёмник есть?

— Есть.

— Оружие?

— Нет.

— Немецкие книги?

Эмма почувствовала, как сердце ударило сильнее. Мать ответила не сразу.

— Какие книги?

— На немецком языке.

— Старые были.

— Где?

— Не знаю. Детские какие-то.

Эмма смотрела на мать. Анна не повернула головы.

Мужчина спросил:

— Сейчас есть?

— Не знаю.

Эмме показалось, что он посмотрел прямо на неё.

— Девушка?

— Да?

— Ты знаешь?

Голос был спокойный. Не грубый. От этого стало ещё страшнее. Эмма почувствовала, что рот пересох.

— Нет.

Слово вышло тихо.

— Что?

— Не знаю.

Мужчина несколько секунд смотрел на неё. Потом повернулся к Семёну Петровичу.

— Записывай дальше.

Они спросили ещё про хозяйство. Корову. Свиней. Телегу. Велосипед. Количество комнат. Потом ушли. Анна закрыла калитку. Эмма всё ещё стояла возле двери.

— Мам.

— Тихо.

— Но...

— Тихо, Эмма.

Она собрала картошку в миску. Руки у неё дрожали.

— Зачем они спрашивали про книги?

Мать занесла миску в дом. Эмма пошла следом.

— Мам.

Анна резко повернулась.

— Потому что сейчас война.

— И что?

— Ничего.

— Ты сказала, что не знаешь.

— Я и не знаю.

— Но букварь...

— Тихо!

Слово прозвучало так резко, что Эмма отступила. Мать закрыла дверь.

— Никогда больше не говори об этом возле открытого окна.

— Но это же просто книга.

Анна посмотрела на неё.

— Раньше была просто книга.

Эмма не ответила. Мать подошла ближе.

— Где она?

— В шкафу.

— Убери.

— Куда?

— Не знаю.

— А зачем?

— Потому что я сказала.

— Мам, это папин букварь.

— Я знаю.

— Он мне его дал.

— Знаю.

— Тогда почему я должна...

— Потому что я хочу, чтобы ты была умнее своей книги.

Эмма смотрела на неё.

— Ты думаешь, нас могут наказать за букварь?

Анна прикрыла глаза.

— Я не знаю, за что теперь могут наказать.

Эта фраза прозвучала страшнее любого ответа. Вечером Эмма достала *Fibel*. Долго держала в руках. Книга была маленькая. Тонкая. Выцветшая. Если посмотреть со стороны — ничего особенного. Она открыла первую страницу. Отцовская надпись была на месте.

Für Emma. Die Wörter bleiben, wenn vieles andere vergeht.

Эмма провела пальцем по словам. Потом закрыла книгу. Сначала хотела спрятать её под матрасом. Передумала. Слишком просто. В ящике стола — ещё хуже. В коробке — уже спрашивали про книги. Она вышла во двор. Мать стирала. Отец ещё не вернулся. Пауль гонял палкой старое колесо. Лиза сидела под деревом. Эмма прошла в сарай. Там было темно и пахло сеном, железом и пылью. У дальней сте-

ны стоял старый сундук. Когда-то в нём хранили одежду бабушки. Теперь — тряпки, мешки, сломанные инструменты. Эмма подняла крышку. Перебрала вещи. Внизу нашла щель между досками. Книга туда не помещалась. Тогда она заметила деревянный ящик из-под гвоздей. Под ним лежала широкая доска. Эмма приподняла её. За ней был небольшой пустой промежуток между стеной и полом.

Достаточно. Она завернула букварь в кусок ткани. Положила внутрь. Вернула доску. Сверху поставила ящик. Потом долго смотрела. Ничего не было видно. Она почувствовала облегчение. И почти сразу — стыд. За что? Она сама не понимала. За то, что прячет? За то, что испугалась? За то, что соврала человеку в форме? Или за то, что впервые в жизни предмет, подаренный отцом, показался ей опасным?

Якоб вернулся позже обычного. Анна поставила перед ним ужин. Он ел молча. Потом спросил:

— Приходили?

Мать посмотрела на него.

— Кто сказал?

— В мастерской у всех были.

— Двое.

— Спрашивали?

— Всё.

— Про книги?

Анна кивнула. Якоб перестал есть.

— Что ответила?

— Что не знаю.

Он посмотрел на Эмму.

— Где Fibel?

— Спрятала.

— Где?

— В сарае.

— Хорошо.

Анна резко сказала:

— Ничего хорошего.

Отец повернулся к ней.

— Я имею в виду, хорошо, что спрятала.

— Его надо сжечь.

Эмма вздрогнула.

— Нет.

Мать даже не посмотрела на неё.

— Надо.

Якоб положил ложку.

— Не надо.

— Ты слышал, о чём спрашивают.

— Слышал.

— Тогда понимаешь.

— Понимаю.

— И?

— Книгу трогать не будем.

Анна смотрела на мужа.

— Из-за старой книжки?

— Не из-за книжки.

— Тогда из-за чего?

Якоб ответил не сразу.

— Потому что если мы сами начнём жечь всё, что у нас было, им уже ничего делать не придётся.

В комнате стало тихо. Эмма запомнила эту фразу. Тогда она не поняла её до конца. Мать поняла.

— У тебя дети, Якоб.

— Я знаю.

— Тогда думай о них.

— Я о них и думаю.

— Нет. Ты думаешь о гордости.

Отец поднялся. Прошёл к окну. На улице темнело. Он стоял спиной к ним. Потом сказал:

— Пусть лежит.

Анна ничего не ответила. На следующий день Эмма увидела первый список. Он висел возле сельсовета. Не мобилизационный. Другой. Несколько листов. Фамилии. Адреса. Годы рождения. Она подошла ближе. Кляйн. Гофман. Шмидт. Вайс. Фамилия стояла почти посередине. Под ней: Якоб. Анна. Эмма. Пауль. Елизавета. Эмма читала имена несколько раз. Как будто могла найти ошибку. Рядом стояли другие люди. Никто не спрашивал, что это. Все и так понимали. И одновременно никто не понимал.

— Для учёта, — сказал кто-то.

— А раньше нас не учитывали?

— Теперь по-другому.

— Почему?

— Война.

Это слово объясняло всё. И ничего. Эмма смотрела на своё имя. Ещё неделю назад оно было написано в школьном свидетельстве. Тогда рядом стояли оценки. Русский язык. Литература. История. География. Теперь рядом стояли год рождения и национальность. Она вдруг подумала, что человек может быть записан по-разному. Ученица. Дочь. Сестра. Будущая учительница. Немка. И от того, какое слово выберут другие, иногда зависит больше, чем от того, кем ты считаешь себя сама. Мария Ивановна подошла незаметно.

— Эмма. Она обернулась.

Учительница посмотрела на список. Потом на неё.

— Не стой здесь.

— Почему?

— Просто иди домой.

— Что это значит?

— Я не знаю.

— Все говорят, что не знают.

Мария Ивановна устало улыбнулась.

— Потому что никто не знает.

— А училище?

Учительница опустила глаза.

— Пока ничего не изменилось.

— Вы писали?

— Писала.

— Ответа нет?

— Нет.

Эмма посмотрела на список.

— Я всё равно поеду.

— Конечно.

— Если экзамены будут.

— Будут.

Мария Ивановна сказала это быстро. Слишком быстро. Эмма поняла: учительница не уверена. В конце июня пришло первое письмо с фронта. Не Вайсам. Семье Кляйнов. Фридрих писал коротко. Жив. Едут куда-то. Где — писать нельзя. Просил беречь детей. Его жена читала письмо всем соседям. Плакала. Смеялась. Снова плакала.

Вечером Анна сказала:

— Хорошо.

Якоб кивнул.

— Хорошо.

Эмма спросила:

— А если тебя не забрали, это тоже хорошо?

Отец посмотрел на неё.

— Наверное.

— Тогда почему ты не рад?

Он не ответил. На следующий день в мастерской ему сообщили, что мужчин немецкой национальности пока отправлять в действующую армию не будут. Домой он пришёл рань-

ше. Сел возле стола. Долго сидел.

Анна спросила:

— Что?

— Ничего.

— Якоб.

— Нас не берут.

Мать выдохнула.

— Слава Богу.

Отец посмотрел на неё.

— Не спеши.

— Что значит не спеши?

— Ничего.

Эмма увидела, как он снова сделал то движение рукой, которое заметила двадцать второго июня: медленно сжал пальцы и разжал. Тогда она впервые подумала, что отец боится. Не за фронт. Чего-то другого. Июнь заканчивался. Степь высохла. Дороги стали белыми от пыли. Днём воздух дрожал над полями. По вечерам пахло нагретой землёй и пылью. Всё вокруг выглядело почти так же, как раньше. Коров выводили пастись. Женщины пололи огороды. Мужчины работали. Дети бегали босиком. Но теперь люди замечали, кто говорит на каком языке. Кто кому пишет. К кому приходят. Кто слушает радио. Кто что сказал возле магазина.

Однажды в очереди за керосином пожилая женщина сделала замечание двум девочкам, которые разговаривали по-немецки.

— Сейчас не время.

Они замолчали. Эмма слышала. В тот же вечер она поймала себя на том, что обращается к Лизе только по-русски. Не специально. Само получилось.

Лиза спросила:

— Почему ты больше не говоришь со мной как мама?

— Говорю.

— Нет.

— Тебе кажется.

— Не кажется.

Эмма хотела перейти на немецкий. Но в этот момент мимо забора прошёл человек. Она промолчала. Лиза посмотрела на неё. И тоже ничего не сказала. В первую ночь июля Эмма долго не могла заснуть. Из соседней комнаты доносился тихий разговор родителей. Слов она не разбирала. Только голоса.

Мать говорила быстрее. Отец — редко. Потом послышалось:

—...списки.

Эмма приподнялась. Дальше тише. Потом:

—...не фронт.

И ещё:

—...если скажут собираться.

Она замерла. Сердце забило быстрее. Через несколько минут дверь открылась. Отец вышел во двор. Эмма встала и пошла следом. Он стоял возле колодца. Курил.

— Папа.

Он обернулся.

— Почему не спишь?

— Вы громко говорите.

— Значит, будем тише.

— Куда собираться?

Якоб долго смотрел на неё.

— Ты подслушивала?

— Нет.

— Эмма.

— Я слышала.

Он затушил папиросу.

— Иди спать.

— Папа.

— Что?

— Нас куда-то отправят?

Тишина. Вдалеке лаяли собаки. Отец посмотрел на дом.

Потом на неё.

— Не знаю.

Эмма закрыла глаза. Опять. Не знаю.

— А если отправят?

Якоб подошёл ближе.

— Тогда поедem.

— Куда?

— Куда скажут.

— Все?

Он положил руку ей на плечо.

— Все.

— А училище?

Отец не ответил. И именно это было ответом. Эмма почувствовала, как внутри поднимается злость. Не на него. На неизвестность. На списки. На человека в форме. На войну. На Германию, которую она никогда не видела. На слово «немец», которое теперь будто стало чужим.

— Я всё равно поступлю.

Якоб посмотрел на неё.

— Хорошо.

— Правда.

— Верю.

— Даже если позже.

— Хорошо.

— Я буду учительницей.

Отец кивнул.

— Будешь.

Эмма знала, что он не может этого знать. Но впервые за несколько недель ей стало легче. Она вернулась в дом. Перед тем как лечь, вспомнила о букваре. Он лежал в сарае, за доской. Спрятанный. И Эмма подумала, что если они действительно куда-нибудь поедут, она обязательно возьмёт его с собой. Не потому, что это разумно. Не потому, что книга нужна. Просто некоторые вещи нельзя оставить, даже если тебе говорят, что они ничего не значат. Особенно тогда,

когда кто-то другой начинает решать, что именно для тебя должно что-то значить.

Глава четвёртая

На всякий случай

В середине июля мать достала чемодан. Он стоял на шкафу в большой комнате столько лет, что Эмма почти перестала его замечать. Коричневый, с потёртыми углами и двумя металлическими застёжками, одна из которых закрывалась только после сильного удара ладонью. Когда-то с этим чемоданом отец ездил в город на курсы механиков. Потом мать брала его к своей сестре. Последний раз им пользовались, когда Лизу, ещё совсем маленькую, возили к врачу в район. Теперь Анна сняла чемодан со шкафа, вытерла пыль влажной тряпкой и поставила посреди комнаты. Эмма остановилась в дверях.

— Зачем?

— Низ протёрся.

— И что?

— Подшить надо.

Мать перевернула чемодан. На дне действительно была небольшая трещина.

— Ты сейчас решила его чинить?

— А когда?

— Не знаю.

Анна ничего не ответила. Она принесла кусок плотной ткани, иголку и толстую нить. Эмма некоторое время смот-

рела, как мать пришивает заплату. Стежки выходили частые, аккуратные.

— Мам.

— Что?

— Мы куда-то едем?

— Нет.

— Тогда зачем чемодан?

— Я уже сказала.

— Ты его десять лет не чинила.

Анна проколола ткань иглой.

— Значит, пришло время.

Эмма села на край кровати.

— Папа что-нибудь сказал?

— Нет.

— В сельсовете?

— Нет.

— Тогда почему?

Мать подняла голову.

— Потому что когда что-нибудь говорят, бывает уже поздно чинить чемоданы.

Она снова склонилась над работой. Эмма почувствовала знакомое раздражение. Последние недели все взрослые говорили именно так. Полусловами. Намёками. Будто за каждым простым вопросом лежал другой, который нельзя было произнести вслух.

— Ты думаешь, нас выселят?

Иголка остановилась. Анна не сразу посмотрела на дочь.

— Кто тебе сказал?

— Никто.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Все говорят.

— Все много чего говорят.

— А ты чемодан достала.

затянула узел.

— На всякий случай.

Эмма посмотрела на пустой чемодан. Она вдруг возненавидела эти три слова. На всякий случай. Ими теперь объяснялось всё. Мать убрала документы в один ящик — на всякий случай. Отец принёс из мастерской старую канистру — на всякий случай. На кухне сушили больше сухарей, чем обычно, — на всякий случай. Анна не выбросила мешок после муки — на всякий случай. Даже Паулю велели не уходить далеко от дома. На всякий случай. Словно существовал какой-то огромный случай, о котором знали все, но назвать его боялись.

— А если нас никуда не отправят?

Анна пожала плечами.

— Тогда будет починенный чемодан.

Жизнь продолжалась с упрямством, которое иногда казалось Эмме почти неприличным. Пospевали помидоры. На огороде желтели огуречные плети. Созревали ранние яблоки. Куры каждое утро требовали корма. Корова не знала, что идёт война, и всё так же ревела у калитки, если её задерживали перед выгоном. Даже мухи в доме были прежними — назойливыми, бессмысленными, совершенно равнодушными к сводкам по радио. Эмма продолжала готовиться к вступительным экзаменам. Каждое утро садилась за стол. Открывала тетрадь. Писала диктанты. Повторяла литературу. Иногда получалось заниматься час или два. Иногда она читала

одну страницу десять раз и не могла вспомнить ни строчки. Особенно трудно стало после того, как перестали приходить ответы из училища.

Мария Ивановна писала дважды. Сначала в район. Потом непосредственно в город. Ответа не было.

— Почта плохо ходит, — объясняла учительница.

Эмма кивала.

— Конечно.

Обе понимали, что дело может быть не только в почте. Однажды Мария Ивановна принесла ей задачник.

— На всякий случай повтори арифметику.

Эмма посмотрела на неё.

— И вы теперь так говорите.

— Как?

— На всякий случай.

Учительница улыбнулась.

— А что плохого?

— Все говорят одно и то же.

— Потому что время такое.

— Какое?

Мария Ивановна задумалась.

— В котором никто не знает, что будет завтра.

— А раньше знали?

— Раньше хотя бы делали вид.

Эмма усмехнулась.

— А сейчас?

— Сейчас даже это стало трудно.

Они сидели в пустом классе. На доске сохранились следы мела. Эмма взяла тряпку и стёрла их.

— Мария Ивановна.

— Да?

— Если я не поступлю в этом году, можно в следующем?

— Конечно.

— А если и в следующем не получится?

— Тогда через год.

— А если...

— Эмма.

Она обернулась. Учительница смотрела на неё серьёзно.

— Не позволяй войне прожить твою жизнь заранее.

— Как это?

— Очень просто. Она ещё ничего у тебя не отняла, а ты уже мысленно всё ей отдаёшь.

Эмма опустила тряпку.

— Но ведь может отнять.

— Может.

— Тогда какой смысл делать вид, что нет?

— Делать вид не надо. Надо делать то, что можешь сегодня.

Учительница подвинула к ней задачник.

— Сегодня можешь решить пять задач.

Эмма улыбнулась.

— Только пять?

— Если правильно — хватит.

Эти слова она тоже запомнила. В последнее время вообще многое приходилось запоминать. Словно обычные разговоры внезапно стали важнее. Через несколько дней исчез Генрих Шульц. Не совсем исчез. Все знали, кто его забрал. Поздно вечером к дому Шульцев приехала машина. Двое мужчин вошли внутрь. Через четверть часа вывели Генриха. Он успел надеть только брюки, рубашку и ботинки. Жена выбежала следом с пиджаком. Мужчина в форме позволил передать. Потом машина уехала.

К утру об этом знал весь посёлок. Генрих Шульц работал счетоводом. Ему было пятьдесят два. Он носил круглые очки. Хромал после болезни. Не пил. Не дрался. Не ругался даже тогда, когда кто-нибудь путал цифры в ведомости. Эмма знала его с детства. Когда она была маленькой, Шульц давал детям карамельки из железной коробки.

Теперь люди говорили:

— Наверное, что-то было.

— А что?

— Мы же не знаем.

— Просто так не забирают.

— Откуда ты знаешь?

— Ну а как?

Потом появился слух, что Генрих слушал немецкое радио. Через час — что у него нашли письмо из Германии. К вечеру — что его брат якобы служил в немецкой армии. На сле-

дующий день выяснилось, что никакого брата в Германии у него никогда не было. Но слух уже жил собственной жизнью. Анна после этого перестала включать радиоприёмник днём. Только вечером. Только сводку. И очень тихо.

— Почему? — спросил Пауль.

— Голова болит.

— А вчера не болела.

— Сегодня болит.

Отец посмотрел на мать, но ничего не сказал. После исчезновения Шульца дверь дома стали запирать на ночь. Раньше засовом пользовались только зимой, когда ветер сам открывал плохо пригнанную створку. Теперь Якоб каждый вечер проверял его рукой. Один раз. Потом второй. В воскресенье отец позвал Эмму в сарай.

— Поможешь?

— Что делать?

На верстаке лежали инструменты. Якоб разбирал их. Хорошие складывал направо. Плохие — налево.

— Зачем?

— Смотрю.

— Что смотришь?

— Что брать.

Эмма замерла.

— Куда?

Отец продолжал перебирать ключи.

— Если придётся уехать.

Вот так. Без «на всякий случай». Прямо. Эмма медленно подошла ближе.

— Значит, правда?

— Что правда?

— Нас могут выселить.

— Могут.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю.

— Ты только что сказал...

— Я сказал, что могут.

— Почему?

Отец положил гаечный ключ.

— Потому что сейчас возможно всё.

— Куда?

— Не знаю.

— Когда?

— Не знаю.

— Надолго?

Он посмотрел на неё.

— Эмма.

Она сжала губы.

— Хорошо.

Несколько минут они работали молча. Отец выбрал небольшой молоток, плоскогубцы, пару ключей, отвёртку. Завернул всё в тряпку.

— Это возьму.

— Зачем инструменты?

— Инструмент везде пригодится.

— А если можно будет взять мало вещей?

— Тогда оставлю рубашку, а инструмент возьму.

— Правда?

— Правда.

— Почему?

Якоб взял молоток. Покрутил в руке.

— Потому что рубашку мне кто-нибудь даст. А человека, который умеет что-то делать руками, кормят дольше.

Эмме не понравилось слово «кормят». Оно звучало так, словно речь шла не о людях.

— Папа.

— Что?

— А что мне брать?

Отец посмотрел на неё с лёгким удивлением.

— Ты уже собралась?

— Нет.

— Тогда ничего.

— Но если придётся.

— Документы.

— Это понятно.

— Тёплое платье.

— Сейчас июль.

— Поэтому и тёплое.

— Ещё?

— Хорошие ботинки.

— Ещё?

— Немного белья.

— А книги?

Отец усмехнулся.

— Смотря сколько.

— Учебники.

— Один-два.

— Тетради.

— Возьми.

Она помолчала.

— Fibel?

Отец перестал складывать инструмент. В сарае было тихо. С улицы доносился голос Лизы. Якоб опёрся ладонями о верстак.

— Где он?

— Там же.

— Никому не показывала?

— Нет.

— Пауль знает?

— Нет.

— Лиза?

— Тоже нет.

Отец кивнул.

— Хорошо.

— Так братъ?

Он долго не отвечал.

— Лучше оставить.

Эмма почувствовала, как что-то опустилось внутри.

— Почему?

— Потому что это немецкая книга.

— И что?

— Ты сама знаешь.

— Но ты говорил, что её не надо сжигать.

— Сжигать не надо.

— Тогда почему оставлять?

— Потому что одно дело, когда она лежит дома. Другое

— когда ты несёшь её с собой неизвестно куда.

— Я спрячу.

— Эмма.

— Никто не найдёт.

Отец посмотрел на неё.

— Все так думают до тех пор, пока не находят.

— Значит, бросить здесь?

— Да.

— А если мы не вернёмся?

Он нахмурился.

— Вернёмся.

— Откуда ты знаешь?

Теперь очередь была за ним услышать собственные слова.

Он вздохнул.

— Не знаю.

— Тогда я возьму.

— Я сказал оставить.

— Ты сам мне его подарил.

— Поэтому имею право сказать оставить.

— Нет.

Отец удивлённо поднял брови. Эмма редко говорила ему

«нет» таким тоном.

— Что?

— Нет.

— Эмма.

— Ты написал там, что слова остаются, когда всё остальное исчезает.

— Я написал это ребёнку.

— А теперь это неправда?

Якоб отвернулся. Взял отвёртку. Положил обратно.

— Иногда взрослые пишут детям красивые глупости.

— Ты так не думаешь.

Он посмотрел на неё.

— Откуда тебе знать, что я думаю?

— Потому что ты не разрешил маме сжечь букварь.

Отец улыбнулся. Очень слабо.

— Стала умная.

— Я школу закончила.

— Это не одно и то же.

— Значит, возьму?

Улыбка исчезла.

— Я не хочу, чтобы из-за книги у тебя были неприятности.

— А я не хочу её оставлять.

— Если придётся выбирать между книгой и тобой...

— Но сейчас не приходится выбирать.

— Сейчас нет.

— Тогда зачем выбирать заранее?

Якоб посмотрел на дочь внимательно. Эмма вдруг узнала в этих словах что-то от Марии Ивановны и сама едва не улыбнулась. Отец, кажется, тоже это заметил.

— Ладно.

— Значит...

— Я ничего не разрешал.

— Но и не запретил.

— Вот поэтому с тобой трудно разговаривать.

Он снова занялся инструментами. Через минуту добавил:

— Если возьмёшь, мне не говори.

Эмма улыбнулась.

— Хорошо.

— И матери тоже.

— Хорошо.

— И если потом поймают...

— Ты ничего не знал.

Отец повернулся к ней.

— Вот это уже совсем не смешно.

Эмма перестала улыбаться.

— Прости.

Он вздохнул.

— Иди помоги матери.

У двери она остановилась.

— Папа.

— Ну?

— А ты что бы взял из дома, если бы можно было только одну вещь?

Якоб задумался. Эмма ожидала, что он скажет: инструменты. Или фотографию. Или документы. Но отец посмотрел в сторону открытой двери, за которой был виден двор.

— Ключ.

— От дома?

— Да.

— Зачем, если дома не будет?

— Дом будет.

— Но если...

— Тогда всё равно ключ.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Чтобы было куда возвращаться.

После этого разговора Эмма стала смотреть на вещи иначе. Раньше дом был просто домом. Теперь он словно превратился в огромный вопрос: что из него можно взять? Она ходила по комнатам и мысленно выбирала. Часы на стене? Слишком большие. Скатерть, которую вышивала бабушка?

Нужнее одеяло. Фотографии Да. Посуда? Нет. Книги? Какие? Каждая вещь внезапно получала вес. Не тот, который можно определить руками. Другой. Вот чашка, из которой отец пьёт чай. Лёгкая. Но взять её трудно, потому что места мало. Вот семейная фотография. Почти ничего не весит. Значит, можно. Вот зимнее пальто. Тяжёлое. Но без него нельзя. Получалось, что вещи делились уже не на любимые и нелюбимые, красивые и некрасивые, нужные и ненужные.

Теперь они делились на те, которые можно унести, и те, которые придётся оставить. И от этого весь дом сделался немного чужим. Через два дня Анна начала сушить сухари. Хлеб резала тонкими ломтями и раскладывала на противнях.

— Зачем столько?

— На всякий случай.

Эмма ничего не сказала. Вечером мать перебрала одежду. Отложила зимние вещи.

— Мам, сейчас тридцать градусов.

— Я знаю.

— Тогда зачем валенки Лизы?

— Потому что после лета бывает осень.

— А после осени зима.

— Именно.

Эмма смотрела, как она заворачивает детские валенки в газету.

— Ты думаешь, нас не будет дома до зимы?

Мать остановилась.

— Я ничего не думаю.

— Но ты берёшь зимние вещи.

— Я мать.

— И что?

— Я должна думать за всех.

В её голосе было такое раздражение, что Эмма замолчала.

Через минуту Анна сама сказала:

— Когда ты была маленькая, я всегда брала тебе лишнюю кофту. Даже летом.

— Помню.

— Ты сердилась.

— Потому что было жарко.

— А потом вечером мёрзла.

Мать сложила кофту Лизы.

— Вот и всё.

Эмма понимала: не всё. Но спорить не стала. Пауль ничего не знал о приготовлениях. Или делал вид. Он по-прежнему бегал с мальчишками к пруду, мастерил деревянные винтовки и следил по карте за фронтом. Карту он выпросил у учителя географии. Повесил возле своей кровати. Каждый вечер переносил на ней булавки. Красные — наши. Чёрные — немецкие.

— Откуда знаешь, где фронт? — спросила Эмма.

— По радио.

— Там не всё говорят.

— Газеты ещё.

— И там не всё.

Пауль раздражённо посмотрел на неё.

— А ты откуда знаешь?

— Ниоткуда.

— Тогда не мешай.

Он переставил булавку. Эмма посмотрела на карту. Линия медленно двигалась на восток. Совсем не туда, куда обещали первые дни.

— Пауль.

— Что?

— Ты только никому не говори...

Он насторожился.

— Что?

— Если придётся куда-нибудь ехать, возьми тёплые вещи.

— Куда ехать?

— Не знаю.

— Нас выселяют?

Он сказал это слишком громко. Эмма схватила его за руку.

— Тихо!

Пауль вырвался.

— Так выселяют?

— Я не сказала.

— А что ты сказала?

— На всякий случай.

Он посмотрел на неё.

— Ты как мама.

Эмма чуть не рассмеялась.

— Значит, старею.

Пауль не улыбнулся.

— А за что нас выселять?

— Никто не сказал, что выселят.

— Мы что-то сделали?

— Нет.

— Тогда не выселят.

Он произнёс это с абсолютной уверенностью двенадцатилетнего человека, для которого наказание ещё должно было обязательно следовать за проступком. Эмма не стала объяснять ему, что в последнее время перестала быть уверена в этой связи. В конце июля в посёлок приехала ещё одна машина. На этот раз никого не забрали. Людей собрали возле сельсовета. Председатель объявил, что необходимо ещё раз уточнить сведения о семьях немецкой национальности.

— Мы уже давали! — крикнул кто-то.

— Значит, дадите ещё раз.

— Зачем?

— Такой порядок.

— Какой порядок?

— Товарищи, вопросы не ко мне.

Эмма стояла рядом с матерью. Отец был впереди, среди мужчин. Каждую семью вызывали отдельно. Фамилия. Имя.

Возраст. Профессия. Родственники. Имущество. Скот.

Когда вызвали Вайсов, Якоб подошёл к столу. Человек за столом спросил:

— Глава семьи?

— Да.

— Вайс Якоб Генрихович?

— Да.

— Год рождения?

Он ответил.

— Национальность?

— Немец.

Карандаш заскользил по бумаге.

— Жена?

— Анна Фридриховна.

— Немка?

— Да.

— Дети?

Якоб перечислил. Когда прозвучало имя Эммы, чиновник поднял глаза.

— Семнадцать?

— Да.

— Работает?

— Нет. Школу окончила.

— Куда дальше?

Эмма сама ответила:

— В педагогическое училище.

Мужчина посмотрел на неё.

— Поступила?

— Ещё нет.

— Значит, не пиши, — сказал он второму.

Эмма почувствовала, как лицо становится горячим.

— Почему?

Чиновник поднял голову.

— Что почему?

— Почему не писать?

— Что писать?

— Педагогическое училище.

— Ты там учишься?

— Нет.

— Вот когда будешь, тогда и запишем.

— Я буду.

Рядом мать тихо сказала:

— Эмма.

Но мужчина только пожал плечами.

— Хорошо. Будешь так будешь.

Он написал: Иждивенка. Эмма увидела.

— Я не иждивенка.

Теперь мать сжала её руку.

— Эмма.

— Но я...

— Молчи.

Чиновник уже спрашивал про Пауля. Эмма смотрела на

слово. Иждивенка. Ещё месяц назад в свидетельстве значилось: выпускница. Теперь — иждивенка. Она подумала о том, как легко кто-то другой может взять карандаш и написать вместо тебя, кто ты такой. И написанное сразу становится важнее того, что ты думаешь о себе. Вечером отец нашёл её возле сарая. Эмма сидела на перевёрнутом ведре.

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда лицо почему такое?

— Какое?

— Будто ты собираешься объявить войну сельсовету.

Она фыркнула.

— Они написали «иждивенка».

— Видел.

— Я не иждивенка.

— Конечно.

— Тогда почему ты ничего не сказал?

— А что надо было сказать?

— Что я поступаю.

— Ты сказала.

— Он даже не записал.

Отец присел рядом.

— Эмма.

— Что?

— Не всякая бумага говорит правду.

— Но все смотрят именно на бумагу.

— Часто.

— Тогда какая разница, кто я на самом деле?

Якоб подумал.

— Для кого?

— Для всех.

— Для всех не знаю.

Он взял с земли сухую травинку.

— Для тебя разница есть.

— Это ничего не меняет.

— Иногда меняет только это.

Она посмотрела на него.

— Ты опять говоришь как в моём букваре.

— Старею.

Эмма улыбнулась. Точно так же она сказала Паулю.

Несколько секунд они сидели молча. Потом отец достал из кармана небольшой ключ.

— Держи.

— Что это?

— От дома.

Эмма удивилась.

— Зачем мне?

— Пусть будет у тебя.

— А у тебя?

Он показал второй.

— Запасной.

Эмма положила ключ на ладонь. Тяжёлый. Железный. Са-

мый обычный.

— Почему мне?

Отец пожал плечами.

— Ты спрашивала, что бы я взял.

— И решил дать мне?

— Чтобы потом не сказала, что я только разговаривать умею.

Она сжала ключ.

— Значит, мы правда куда-то уедем?

Якоб посмотрел на двор. Мать снимала бельё. Лиза носила воду в маленькой кружке и поливала цветы. Пауль возился с велосипедом. Солнце опускалось над степью.

— Не знаю.

Эмма уже не рассердилась. Она начала понимать: иногда эти слова означали не отсутствие ответа. Иногда они означали, что человек боится ответа слишком сильно.

— Хорошо, — сказала она.

Отец поднялся.

— Спрячь.

— Куда?

— На всякий случай.

Теперь они оба рассмеялись. Тихо. Почти виновато. Ночью Эмма пришила маленький внутренний карман к своей нижней рубашке. Шить она умела плохо. Нитка несколько раз путалась. Игла уколола палец. Капля крови появилась на ткани, и Эмме пришлось долго тереть пятно водой. Ко-

гда карман был готов, она положила туда ключ. Он выпирал. Неудобно. Тогда она завернула его в кусочек мягкой ткани. Стало лучше. Потом вышла в сарай. Подняла ящик. Отодвинула доску. Достала Fibel. Книга пахла пылью и сухим деревом. Эмма принесла её в комнату. Открыла. На первой странице всё тем же отцовским почерком стояли слова:

Die Wörter bleiben, wenn vieles andere vergeht.

Она долго смотрела на них. Потом завернула букварь в плотную ткань. Нашла старую холщовую наволочку. Положила внутрь. Сверху — две школьные тетради. Получился небольшой свёрток. Эмма спрятала его на дно шкафа. Теперь книга была готова к дороге. Хотя дороги ещё не было. Приказа не было. Чемодан стоял пустой. Дом принадлежал им. Отец каждое утро уходил в мастерскую. Мать пекла хлеб. Пауль двигал булавки на карте. Лиза играла под окном. Эмма решала задачи для вступительных экзаменов. И всё же в доме уже началось незаметное переселение. Пока не людей. Вещей. Документы перебрались ближе к двери. Зимняя одежда — из дальнего шкафа в сундук. Сухари — из хлебницы в мешок. Инструменты отца — с верстака в свёрток. Ключ от дома — в карман Эммы. А старый немецкий букварь — из детских воспоминаний в тайну.

Никто ещё не сказал семье Вайсов, что они должны уехать. Но понемногу они уже учились жить так, словно им в любую минуту могут приказать оставить всё. И самым страшным было даже не ожидание дороги. Самым страшным

было то, что человек постепенно начинал готовиться покинуть собственный дом раньше, чем кто-нибудь велел ему это сделать.

Глава пятая

Письмо

Письмо из педагогического училища пришло пятого августа. Эмма потом много лет помнила эту дату, хотя на самом конверте она почти стёрлась. Помнила жару, белую пыль возле почты, запах разогретых досок крыльца и то, как почтальонша Марфа Степановна сначала перебрала несколько писем, потом остановилась и сказала:

— Вайс.

Эмма даже не сразу протянула руку.

— Мне?

— А кому же ещё? Здесь написано: Вайс Эмме Яковлевне.

Сердце ударило так сильно, что Эмма почувствовала его где-то возле горла.

— Из города?

Марфа Степановна перевернула конверт.

— Похоже.

Эмма схватила письмо. Несколько недель она ждала именно его. Каждый день проходила возле почты, даже если никакого дела там не было. Иногда спрашивала прямо. Потом перестала, потому что Марфа Степановна начала отвечать ещё до вопроса:

— Нет тебе ничего.

И вот теперь было. Конверт оказался серым, дешёвым. В левом верхнем углу стояло название педагогического училища. Эмма прочитала его дважды. Настоящее. Не ошибка. Она прижала письмо к груди.

— Спасибо.

— Да не мне спасибо. Почте.

Эмма уже сбежала с крыльца. Она не стала открывать конверт сразу. Хотелось сделать это дома. При отце. При матери. Чтобы сказать:

— Вот. Я же говорила.

Она шла быстро. Потом побежала. Туфли стучали по сухой дороге. Несколько раз Эмма поскользнулась на мелкой пыли, но не остановилась. Ей уже представлялось, что написано внутри. Вступительные экзамены. Дата. Перечень документов. Возможно, адрес общежития. Может быть, даже список учебников. Она вспомнила разговор возле сарая.

— Я всё равно поступлю.

Отец тогда сказал:

— Будешь.

Значит, он был прав. Значит, всё ещё может случиться так, как она задумала. Война останется войной. Списки останутся списками. А она всё равно поедет. Эта мысль казалась почти победой. На повороте возле дома Шульцев Эмма увидела Марту. Та стояла у забора и развешивала полотенца. После того как забрали мужа, Марта заметно постарела. Всего за несколько недель. Эмма прежде думала, что старость

приходит годами. Оказалось — иногда ночью.

— Эмма!

Она остановилась.

— Что?

Марта кивнула на конверт.

— Письмо?

— Из училища.

На лице женщины появилась улыбка.

— Ну вот.

— Я ещё не открывала.

— Тогда чего стоишь?

Эмма засмеялась.

— Домой несу.

— Правильно.

Марта поправила полотенце.

— Учись.

Сказала просто. Без обычного «война войной». Без «если получится». Без «на всякий случай». Учись. Эмме это понравилось.

— Буду.

Она снова побежала.

Отец был дома. Это тоже показалось хорошим знаком. Якоб сидел возле кухонного стола и чинил ремень. Анна перебирала фасоль. Лиза рисовала на обрывке бумаги. Пауля не было — он ушёл с мальчишками к пруду. Эмма распахнула дверь.

— Пришло!

Все посмотрели на неё.

— Что? — спросила мать.

Она подняла конверт.

— Из училища.

Якоб отложил ремень.

— Ну-ка.

Эмма подошла к столу.

— Я сама.

— Конечно сама.

Анна вытерла руки.

— Открывай.

Эмма осторожно поддела край конверта пальцем. Не получилось. Она попыталась ещё раз.

— Дай нож, — сказал отец.

— Не надо.

— Ты его до завтра открывать будешь.

— Не мешай.

Наконец бумага поддалась. Эмма достала сложенный вдвое лист. Верхнюю половину занимал печатный текст. Она начала читать молча. Улыбка исчезла почти сразу. Отец это заметил.

— Что?

Эмма не ответила. Прочитала до конца. Потом ещё раз. Мать поднялась.

— Эмма?

Она положила письмо на стол.

— Экзаменов не будет.

Анна взяла бумагу.

— Почему?

— Не так.

— Что не так?

— Там не написано, что вообще не будет.

— А что написано?

Эмма села. Внутри стало пусто. Ещё несколько минут назад она бежала по улице и представляла общежитие. Теперь слова в письме будто закрыли дверь, которую она уже считала открытой. Якоб взял лист из рук жены. Он читал медленно. Как всегда.

— «В связи с обстоятельствами военного времени...» — произнёс он.

— Я вижу.

— «...сроки проведения вступительных испытаний изменены».

— Изменены — это не отменены, — сказала мать.

Эмма посмотрела на неё.

— Дальше.

Якоб продолжил:

— «О новой дате абитуриенты будут извещены дополнительно».

— Вот, — сказала Анна. — Значит, потом.

— Когда потом?

— Напишут.

— Они это письмо почти месяц посылали.

Мать ничего не ответила. Якоб дочитал. Там было ещё несколько строк. Училище переходило на особый режим работы. Часть помещений передавалась другим учреждениям. Абитуриентам предписывалось ожидать дополнительных распоряжений по месту жительства. Никаких дат. Никаких экзаменов. Никакого общежития. Эмма взяла письмо.

— Это ничего не значит.

Она сказала слишком быстро. Отец посмотрел на неё.

— Конечно.

— Просто перенесли.

— Да.

— В сентябре может быть.

— Может.

— Или в октябре.

— Может.

Она подняла глаза.

— Ты мне не веришь.

— Верю.

— Нет.

— Эмма...

— Ты говоришь «может» так, будто всё уже знаешь.

— А что я должен говорить?

— Что всё будет.

Якоб молчал. Она почувствовала, что злится.

— Ты сам говорил.

— Что?

— Что я буду учительницей.

— И будешь.

— Когда?

— Не знаю.

Это слово снова встало между ними. Эмма резко поднялась.

— Конечно.

— Куда ты?

— Никуда.

Она вышла из дома.

Мать позвала:

— Эмма!

Девушка не остановилась.

Она дошла до школы. Дверь была открыта. Внутри пахло мелом и пылью. Коридор казался непривычно длинным без детей. На стенах ещё висели плакаты. Расписание. Объявление о сдаче учебников. Красный стенд с фотографиями лучших учеников. Её фотография тоже была там. Эмма остановилась. На снимке она выглядела серьёзной. Даже немного сердитой. Под фотографией: Вайс Эмма Яковлевна. И оценки. Ещё один список. Только этот ей нравился. Из учительской вышла Мария Ивановна.

— Эмма?

Она увидела конверт.

— Пришло?

Эмма кивнула.

— Можно?

Она протянула письмо. Учительница прочла. Долго. Потом сложила лист.

— Ясно.

— Что ясно?

— Пока экзамены отложили.

— Я читать умею.

Мария Ивановна посмотрела на неё.

— Тогда зачем пришла?

Эмма хотела ответить резко. Не смогла. Села на подоконник.

— Не знаю.

Учительница присела рядом.

— Я думала, там будет дата.

— Я тоже.

— И что теперь?

— Ждать.

— Все только это и говорят.

— А что ты хочешь делать?

— Учиться.

— Учись.

— Где?

— Здесь.

— Я школу закончила.

— А знания заканчиваются вместе со школой?

Эмма отвернулась.

— Не надо.

— Чего?

— Утешать меня.

— Я не утешаю.

— Тогда что?

Мария Ивановна задумалась.

— Пытаюсь понять, почему ты решила, что если тебе не назначили экзамен на конкретное число, ты уже перестала быть той, кем хотела стать.

— Потому что я никуда не поступила.

— Пока.

— Вы тоже.

— Что?

— Говорите «пока».

Учительница улыбнулась.

— Хорошее слово.

— Ненавижу его.

— Зря.

— Почему?

— В нём есть продолжение.

Эмма ничего не ответила. В пустом классе за стеной хлопнула форточка. Мария Ивановна встала.

— Пойдём.

— Куда?

— Ко мне.

В учительской она открыла нижний ящик шкафа. Достала стопку тетрадей.

— Возьми.

— Что это?

— Работы младших классов.

— Зачем?

— Проверишь.

Эмма посмотрела на неё.

— Я?

— Ты хотела быть учительницей.

— Но я не учительница.

— Я знаю.

— Тогда почему...

— Потому что у меня дел много.

Мария Ивановна положила тетради перед ней.

— Здесь диктанты.

— И что делать?

— Найдёшь ошибки.

— А оценки?

— Пока не ставь.

Эмма провела ладонью по верхней тетради. На обложке было написано неровными буквами: Сидоров Коля. 3 класс.

— Можно красным карандашом?

— На столе.

Эмма улыбнулась.

— Вы специально?

— Что?

— Всё это.

— Конечно нет. Я просто эксплуатирую бесплатную рабочую силу.

Эмма рассмеялась. Это был первый раз за весь день, когда стало легче.

Она проверяла тетради почти два часа. Сначала осторожно. Боялась исправить не там. Потом увереннее. Ставила маленькие красные черточки. Подчёркивала пропущенные буквы. В одном диктанте мальчик написал: сабака. Эмма исправила. В другом: дериво. Исправила. В третьем ученик написал: Мы живём в савецкой стране. Эмма задержалась. Потом аккуратно исправила две ошибки. Слова вдруг показались ей странными. Не содержание. Буквы. Буква могла быть неправильной. Её исправляли красным карандашом. А слово оставалось тем же. Человека так исправить было нельзя. Если рядом с его именем написали что-то другое — немец, иждивенка, подозрительный, неблагонадёжный, — никакого красного карандаша не существовало.

Она закрыла тетрадь.

— Устала? — спросила Мария Ивановна.

— Нет.

— Тогда почему остановилась?

— Думаю.

— Это тоже иногда утомляет.

Эмма взяла следующую.

— Мария Ивановна.

— Да?

— А если училище вообще не откроется?

Учительница продолжала писать.

— Откроется другое.

— А если меня туда не возьмут?

— Будешь искать третье.

— А если...

Мария Ивановна подняла голову.

— Опять?

Эмма улыбнулась.

— Хорошо.

— Вот и хорошо.

Через несколько минут учительница сказала:

— Кстати, почерк у тебя для педагога ужасный.

— Нормальный.

— Ребёнок не разберёт.

— Разберёт.

— Нет.

Она пододвинула лист бумаги.

— Пиши.

— Что?

— Алфавит.

— Зачем?

— Ты учительницей хочешь быть или нет?

Эмма взяла ручку. Написала: А Б В Г Д... Мария Ивановна покачала головой.

— Букву «Д» переделай.

— Что с ней?

— Сама не видишь?

— Красивая.

— Красивая, но прочитать невозможно.

Эмма переписала. Снова. Ещё раз. И на какое-то время письмо в кармане перестало существовать.

* * *

К вечеру пришёл отец. Он ждал возле школы.

— Мать волнуется.

Эмма вышла.

— Я у Марии Ивановны была.

— Я догадался.

Они пошли рядом. Некоторое время молчали.

Потом Якоб спросил:

— Сердишься?

— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

— На меня?

— Не знаю.

— Опять это слово.

Она улыбнулась.

— Да.

Шли медленно. С поля возвращались люди. За ними тянулась пыль.

— Папа.

— Что?

— Ты правда думаешь, что я стану учительницей?

— Правда.

— Даже если нас куда-нибудь отправят?

Якоб посмотрел на неё.

— Особенно тогда.

— Почему?

— Потому что ты упрямая.

— Это плохое качество.

— Не всегда.

— Мама говорит, плохое.

— Мама живёт со мной двадцать лет. Ей можно.

Эмма усмехнулась. Отец некоторое время молчал.

— А ещё потому, что учителю не обязательно сначала получить красивую бумагу.

— Обязательно.

— Для работы — да.

— А для чего тогда нет?

Якоб пожал плечами.

— Чтобы учить.

— Кого?

— Пауля.

— Он меня не слушает.

— Значит, хорошая практика.

Эмма засмеялась. Они уже подходили к дому, когда отец неожиданно остановился.

— Завтра в сельсовет пойдём.

— Зачем?

— Вызывали.

— Кого?

— Всех глав семей.

— Немцев?

Якоб посмотрел на неё.

— Да.

Улыбка исчезла.

— Почему?

— Не сказали.

— Когда вызвали?

— Сегодня.

— И ты молчал?

— Ты и так получила хорошую новость.

— Хорошую?

— Для тебя она была хорошей, пока ты не открыла письмо.

Эмма посмотрела на него.

— Ты думаешь, нас выселят.

Это было не вопросом. Якоб продолжил идти.

— Я думаю, завтра узнаем.

* * *

На следующий день возле сельсовета стояло гораздо больше людей, чем обычно. Пришли почти все немецкие мужчины посёлка. Некоторые — с жёнами. Никто не шутил. Эмма тоже хотела пойти. Отец запретил.

— Останешься дома.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

— Я не ребёнок.

— Именно поэтому должна понимать.

— Что понимать?

— Что если понадобится, я позову.

Он надел кепку. Мать подошла к нему.

— Документы взял?

— Взял.

— Все?

— Все.

Анна проверила сама. Паспорт. Справки. Военный билет. Какие-то бумаги из мастерской. Она держала их в руках так, словно отец отправлялся не в сельсовет, а куда-то далеко.

— Анна.

— Что?

— Вернусь через час.

— Я знаю.

— Тогда не смотри так.

— Как?

Он ничего не ответил. Ушёл. Эмма стояла у окна. Час про-

шёл. Потом второй. Отец не возвращался. Мать начала заниматься делами. Перемыла посуду. Переставила банки. Подмела комнату. Потом снова подмела кухню.

— Мам.

— Что?

— Ты уже мела.

— Значит, плохо.

— Сядь.

— У меня дела.

Лиза почувствовала напряжение и стала необычно тихой. Пауль пытался читать газету. Перевернул страницу. Через минуту опять. Эмма понимала: он ничего не читает. Около полудня отец вернулся. Анна увидела его через окно и вышла во двор.

— Ну?

Якоб закрыл калитку.

— Пока ничего.

Эмма заметила лист бумаги в его руке.

— Что дали?

Отец вошёл в дом. Положил лист на стол.

— Предписание.

Анна взяла. Эмма читала через её плечо. Текст был коротким. Всем семьям немецкой национальности предписывалось иметь при себе документы, не покидать населённый пункт без разрешения и быть готовыми к выполнению распоряжений властей.

— Каких распоряжений? — спросил Пауль.

Никто не ответил.

— Что значит «быть готовыми»?

Отец снял кепку.

— То и значит.

— Нас выселят? — спросила Эмма.

Якоб сел.

— Прямо не сказали.

— А что сказали?

— Что возможна эвакуация.

Мать произнесла:

— Эвакуация?

— Так называли.

— Куда?

— Не знают.

— Когда?

— Не знают.

— На сколько?

Якоб посмотрел на неё.

— Анна.

Она замолчала. Эмма взяла лист. Слово было там. Эвакуация. Она прочла несколько раз. Оно звучало почти безопасно. Эвакуируют людей от опасности. Так говорили по радио о детях из городов. Об учреждениях. О заводах.

— Значит, нас увезут от фронта? — спросила она.

Отец медленно поднял глаза.

— Может быть.

— Тогда это хорошо?

Мать резко посмотрела на него. Якоб не ответил. Эмма почувствовала что-то неприятное.

— Что?

— Ничего.

— Папа.

Он вздохнул.

— На собрании один человек спросил, почему эвакуируют только немцев.

— И?

— Его попросили не задавать глупых вопросов.

— Кто?

— Неважно.

— Это не эвакуация?

Якоб потёр лицо ладонью.

— Я не знаю, что это.

— Но ты думаешь...

— Я думаю, надо собираться.

Мать сразу поднялась. Словно ждала именно этих слов.

— Сколько можно брать?

— Не сказали.

— Значит, мало.

— Почему?

— Потому что если бы много, сказали бы.

Она ушла в комнату. Через несколько секунд слышал-

ся звук металлических застёжек. Чемодан. Тот самый. «На всякий случай». Случай пришёл.

Весь день дом менялся. До этого вещи готовили тайно, понемногу. Теперь всё стало настоящим. На столе появились стопки одежды. Мешки. Одеяла. Документы. Сухари. Мука. Крупа. Мать ходила из комнаты в комнату и решала. Это брать. Это оставить. Это слишком тяжёлое. Это пригодится. Это детям. Это отцу. Эмма сначала стояла возле двери.

Потом мать сказала:

— Собирай свои вещи.

— Куда?

— В чемодан.

— А сколько?

— Немного.

Эмма вошла в комнату. Открыла шкаф. И вдруг не смогла ничего взять. Вещей было слишком много. И слишком мало. Белое выпускное платье. Она провела пальцами по ткани. Не нужно. Положила обратно. Два повседневных платья. Одно тёплое. Бельё. Кофта. Пальто? Мать сказала взять. Тетради. Учебники. Письмо из училища лежало на столе. Эмма подняла его. Зачем оно теперь? Она хотела порвать. Потом передумала. Сложила и положила между тетрадями. Не потому, что надеялась предъявить его. Просто ещё утром оно связывало её с будущим. Выбросить означало признать, что будущего больше нет. Она взяла учебник русского языка. Потом литературу. Ещё одну книгу. Получилось тяжело. Пришлось

одну оставить.

Она долго выбирала. Наконец отложила литературу. Потом увидела маленький свёрток в глубине шкафа.

Fibel.

Эмма замерла. Отец был во дворе. Мать на кухне. Она развернула ткань. Выцветшая обложка. Знакомые буквы.

FIBEL.

Книга весила совсем немного. Но никогда ещё не казалась такой тяжёлой. «Лучше оставить». Отец говорил это. «Если возьмёшь — мне не говори». Эмма открыла первую страницу.

Für Emma.

Она сразу закрыла. Завернула. Села на кровать. Если найдут? Что будет? Никто не говорил. Именно поэтому было страшно. Она могла оставить книгу здесь. Спрятать за доской в сарае. Если они вернутся — заберёт. Если не вернутся... Эмма посмотрела на комнату. На стол. На кровать. На окно. До сегодняшнего дня слова «если не вернёмся» существовали только в разговорах. Теперь они стояли посреди комнаты. Как человек. Если не вернутся, Fibel останется здесь. Кто-нибудь поселится в доме. Найдёт. Выбросит. Сожжёт. Или книга просто сгниёт от сырости. Эмма подняла свёрток. Положила на дно своих вещей. Сверху — тёплое платье. Потом бельё. Потом тетради. Не видно. Она закрыла чемодан. Через минуту снова открыла.

Нет. Слишком очевидно. Если будут проверять, первым

делом откроют чемодан. Она достала букварь. Оглядела комнату. Тогда вспомнила внутренний карман, который пришила для ключа. Книга туда не помещалась. Эмма взяла старую нижнюю юбку. Осмотрела подол. Широкий. Она быстро принесла иголку и нитку. Распорола несколько стежков. Просунула букварь между слоями ткани. Пришила. Получилось грубо. Толщина была заметна. Она распорола снова. Завернула книгу только в тонкий платок. Вставила. Зашила. Теперь лучше. Если сложить юбку, ничего не видно. Эмма провела ладонью. Сердце билось быстро. Странное чувство. Она не сделала ничего плохого. Но двигалась как преступница. Дверь открылась.

Эмма вздрогнула. Стояла Лиза.

— Что ты делаешь?

— Ничего.

— Почему ты испугалась?

— Не испугалась.

Лиза вошла.

— Это иголка?

— Да.

— Что шьёшь?

— Порвалось.

Девочка посмотрела на юбку.

— Где?

— Уже зашила.

Лиза подошла ближе. Эмма положила вещь в чемодан.

— Иди маме помоги.

— Она сказала не мешать.

— Тогда Паулю.

— Он злой.

— Почему?

— Не разрешают велосипед брать.

Эмма чуть не рассмеялась. Но смех не вышел.

— Иди во двор.

Лиза стояла.

— Эмма.

— Что?

— Мы уезжаем навсегда?

Вопрос был задан совершенно спокойно. Так дети спрашивают, будет ли завтра дождь.

— Нет.

— Откуда знаешь?

Эмма смотрела на сестру. Совсем недавно она сама задавала отцу те же вопросы. Теперь поняла, почему он отвечал так неохотно.

— Мы вернёмся.

— Когда?

— Скоро.

— А сколько это?

— Не знаю.

Лиза кивнула. Её это устроило. У двери она остановилась.

— Куклу можно взять?

Эмма закрыла глаза.

— Какую?

— Грету.

Кукла была тряпичная. С вытертым лицом. Мать уже сказала оставить игрушки.

— Возьми.

— Мама не разрешает.

— Я разрешаю.

— А если она увидит?

Эмма посмотрела на сестру.

— Спрячь.

Лиза широко улыбнулась.

— Куда?

Эмма хотела сказать: «Я не знаю». Но вдруг рассмеялась.

— Вот теперь сама думай.

* * *

К вечеру возле домов начали появляться узлы. Ещё никто никуда не ехал. Но весь посёлок будто готовился к отъезду одновременно. Люди переходили от соседей к соседям.

Спрашивали:

— Сколько берёте муки?

— Одеяло брать?

— Посуда нужна?

— А корову куда?

— Сказали скот оставить.

— Кому?

— Колхозу.

— А дом?

— Не знаю.

Опять. Это слово стало главным словом лета. Фридрихова жена принесла Анне мешок.

— Возьми.

— У нас есть.

— Этот крепче.

— Тебе самой нужен.

— Один оставлю.

Они спорили. Потом Марта Шульц пришла за советом.

— Мне что делать?

Анна растерялась.

— В смысле?

— Генриха нет.

— Собирайся.

— А если он вернётся?

Все замолчали. Марта стояла посреди кухни.

— Он же не знает, куда нас увезут.

Анна подошла.

— Марта...

— Если он вернётся домой, а дома никого?

— В сельсовете будут знать.

— Они и сейчас ничего не знают.

— Тогда соседи скажут.

— Какие соседи? Всех же собирают!

Голос женщины стал громче. Лиза испуганно выглянула из комнаты. Марта увидела ребёнка и замолчала.

Потом тихо сказала:

— Простите.

— За что? — спросила Анна.

Она села.

— Я письмо ему оставляю.

— Где?

— На столе.

— А если в дом кто-то войдёт?

— Тогда на чердаке.

— Он догадается?

— Должен.

— А если...

Она не закончила. Анна взяла её за руку. Они сидели молча. Эмма смотрела на них. И вдруг представила отца. Не сейчас. Потом. Их нет. Он приходит. Пустой дом. Стол. Открытая дверь. Эта картина появилась так ясно, что Эмма подошла к Якобу, который связывал одеяла во дворе.

— Папа.

— Что?

— Если кого-нибудь из нас потеряют...

Он поднял голову.

— Что значит потеряют?

— Ну... если кто-нибудь останется. Или нас разделят.

— Не разделят.

— Но если.

— Эмма.

— Просто скажи.

Якоб выпрямился.

— Что сказать?

— Как мы найдём друг друга?

Он посмотрел на неё. Вопрос перестал казаться глупым.

— Хорошо.

Он задумался.

— Если потеряемся, писать сюда не имеет смысла.

— Почему?

— Потому что неизвестно, кто будет здесь.

— Тогда куда?

Якоб долго молчал.

— Запомни адрес дяди Карла в Куйбышеве.

— Но мы с ним почти не общаемся.

— Неважно.

Он продиктовал. Улица. Дом. Фамилия. Эмма повторила.

— Ещё раз.

Она повторила.

— Без бумаги.

— Я запомнила.

— Ещё раз завтра спрошу.

— Хорошо.

— И Паулю скажу.

— А маме?

— Она знает.

Эмма посмотрела на отца.

— Ты думаешь, нас правда могут разделить?

— Нет.

Ответ прозвучал быстро. Слишком быстро. Она ничего не сказала.

Вечером семья ужинала позже обычного. На столе была картошка. Огурцы. Молоко. Простая еда. Но все почему-то ели медленно. Лиза посадила рядом куклу. Анна увидела.

— Я сказала...

Отец поднял руку.

— Пусть.

Мать посмотрела на него.

— Места мало.

— Кукла много не съест.

Лиза засмеялась. Анна хотела возразить. Передумала.

— Ладно.

Пауль ковырял картошку.

— А велосипед?

— Нет, — одновременно сказали отец и мать.

— Почему ей можно куклу, а мне велосипед нельзя?

— Потому что куклу можно положить в карман, — сказал Якоб.

— Велосипед тоже можно разобрать.

— Пауль.

— Колёса снять.

— Нет.

— Руль.

— Нет.

— Педали хотя бы.

Отец улыбнулся.

— Зачем тебе педали без велосипеда?

Пауль задумался.

— На память.

— Вот уж что действительно необходимо в дороге.

Даже мать улыбнулась. Несколько секунд они смеялись.

И Эмме вдруг стало больно от этого смеха. Потому что он был обычный. Семейный. Так смеялись сотни раз. И никто не знал, сколько ещё будет таких вечеров. Она посмотрела на каждого. Отец. Мать. Пауль. Лиза. Попыталась запомнить. Не лица вообще. Именно сейчас. Якоб держит вилку левой рукой. На рукаве пятно от масла. У матери выбилась прядь волос. Пауль хмурится из-за велосипеда. Лиза кормит картошкой куклу. Эмма вдруг подумала: а если это последний ужин за этим столом? Нет. Она прогнала мысль. Но та уже появилась.

После еды отец вышел во двор. Эмма пошла за ним. Он сел на скамью возле дома. Ночь была тёплая. Над степью стояло огромное небо. Звёзды казались особенно близкими.

— Не спится? — спросил Якоб.

— Ещё рано.

— Для тебя всегда рано.

Она села рядом. Некоторое время смотрели на дорогу.

— Папа.

— Ну?

— Ты когда-нибудь хотел уехать отсюда?

— Куда?

— Вообще.

— В молодости.

— Куда?

— В город.

— Почему не уехал?

Он пожал плечами.

— Твой дед заболел. Потом работа. Потом женился.

— На маме?

— Нет, на соседке.

Эмма толкнула его плечом.

— Очень смешно.

— Ты спросила.

— И не жалел?

— Иногда.

— А сейчас?

Якоб посмотрел на дом.

— Сейчас нет.

— Почему?

— Потому что здесь вы.

— Мы могли бы жить в городе.

— Могли бы.

— Тогда дело не в доме.

Отец задумался.

— Наверное.

— А в чём?

— Не знаю.

Эмма улыбнулась.

— Опять.

— Очень удобный ответ.

Он достал папиросу, но не закурил. Повертел в пальцах.

— Дом — это ведь не стены.

— А что?

— Когда молодой, думаешь: место. Потом понимаешь — люди. Потом становишься старше и опять думаешь, что место тоже важно.

— Почему?

— Потому что люди уходят.

Эмма посмотрела на него. Якоб заметил.

— Что?

— Ничего.

— Лицо такое.

— Какое?

— Будто я сказал что-то страшное.

— Ты и сказал.

— Все люди когда-нибудь уходят.

— Не надо.

Отец усмехнулся.

— Хорошо.

Он убрал папиросу обратно.

— Училище своё возьми.

— Что?

— Письмо.

— Я взяла.

— Правильно.

— Зачем оно?

— Не знаю.

— Ты сегодня особенно полезен.

— Стараюсь.

Эмма достала из кармана ключ.

— А это тоже братъ?

Якоб посмотрел.

— Обязательно.

— Если нас действительно эвакуируют, может быть, вернёмся через месяц.

— Конечно.

— А если через два?

— Значит, через два.

— А если через год?

Он помолчал.

— Ключ не испортится.

— А дом?

Якоб посмотрел на неё.

— Тоже.

Эмма знала, что он не может обещать. Но сейчас не стала спорить.

На следующее утро по посёлку прошёл слух, что фронт снова приблизился. Никто точно не знал насколько. Радио передавало сводки. Люди стояли у карт. Названия городов становились знакомыми. Не потому, что там бывали. Потому что линия войны двигалась всё ближе. В мастерской Якобу велели подготовить несколько машин к отправке на восток.

— Куда восточнее? — спросил один рабочий.

— Куда прикажут.

— А сами?

Начальник мастерской ответил:

— Пока работаем.

Вечером отец пришёл усталый. Руки были почти чёрными.

— Машины отправляют, — сказал он Анне.

— Значит, скоро и нас.

Он не ответил. Двадцатого августа семьям сообщили, что покидать посёлок запрещено окончательно. Даже в соседнюю деревню. На дорогах появились проверки. Людей возвращали.

В сельсовете говорили:

— Временная мера.

Все понимали: круг сжимается. Чемодан теперь не убирали. Он стоял возле стены. Собранный. Мешок с сухарями — рядом. Одежда связаны. Документы — у матери под одеж-

дой. Инструменты отца — в тряпке. В доме оставалось всё меньше вещей, которыми пользовались ежедневно. Каждая вещь, убранная в дорогу, словно переставала принадлежать дому.

Двадцать четвёртого августа Эмма пошла в школу. Просто так. Хотела вернуть Марии Ивановне проверенные тетради. Дверь оказалась закрыта. Она постучала. Никто. Обошла здание. В одном из окон увидела учительницу. Та складывала книги в ящики. Эмма постучала по стеклу. Мария Ивановна вздрогнула. Потом открыла дверь.

— Что ты здесь делаешь?

— Тетради принесла.

— Заходи.

В классах стояли коробки. Некоторые шкафы были пустыми.

— Куда книги?

— В район.

— Почему?

— Так сказали.

— Школу закрывают?

— Пока.

Эмма посмотрела на неё. Обе улыбнулись.

— Хорошее слово, — сказала Мария Ивановна.

— Ненавижу.

Эмма положила тетради.

— Нам велели собраться.

Учительница замерла.

— Когда?

— Не сказали.

— Куда?

— Тоже.

Мария Ивановна отвернулась к ящику.

— Понятно.

— Вам понятно?

— Нет.

— Тогда почему все так говорят?

Учительница села.

— Не знаю, что ещё сказать.

Эмма осталась стоять.

— Я не поступлю, да?

Мария Ивановна посмотрела на неё.

— В этом году?

— Вообще.

— Этого я не говорила.

— Но думаете.

— Нет.

— Думаете.

Учительница сняла очки. Протёрла.

— Эмма, послушай.

Девушка молчала.

— Учитель — это не человек, которому однажды выдали диплом и после этого разрешили объяснять другим.

— А кто?

— Тот, кто не может пройти мимо человека, который чего-то не знает.

Эмма усмехнулась.

— Красиво.

— Правда.

— Без диплома меня в школу не возьмут.

— Значит, когда-нибудь получишь диплом.

— Когда-нибудь.

— Да.

— Где-нибудь.

— Возможно.

— Очень точный план.

Мария Ивановна улыбнулась.

— Другого сейчас нет.

Она подошла к шкафу. Достала небольшой кусок белого мела. Протянула Эмме.

— Возьми.

Эмма посмотрела.

— Зачем?

— Подарок.

— Мел?

— У меня ничего дороже нет.

— Очень щедро.

— Не нравится — верни.

Эмма взяла.

— Оставлю.

— Вот и хорошо.

Она положила кусок мела в карман рядом с ключом. Мария Ивановна заметила движение.

— Что там?

— Ничего.

Эмма достала ключ. Показала.

— От дома.

Учительница несколько секунд смотрела на него.

— Береги.

— Папа сказал то же.

— Умный человек.

— Иногда.

Они улыбнулись. У двери Эмма остановилась.

— Мария Ивановна.

— Да?

— А если мы не вернёмся?

Учительница долго молчала.

Потом сказала:

— Тогда запомни, где была дверь.

Эмма нахмурилась.

— Не понимаю.

— Не обязательно возвращаться в то же место, чтобы помнить, откуда вышел.

Эмма хотела что-нибудь ответить. Не смогла. Она обняла учительницу. Впервые. Мария Ивановна удивилась. Потом

тоже обняла её.

— Иди.

— До свидания.

— До свидания, Эмма.

Ни одна из них не сказала «до завтра».

В тот вечер отец вернулся почти в темноте. Лицо у него было серым от пыли. Анна сразу поняла.

— Что?

Якоб закрыл дверь. Посмотрел на детей.

— Завтра никуда не уходить.

Пауль поднялся.

— Почему?

— Так надо.

— Папа.

Эмма уже знала.

— Сказали?

Он кивнул.

— Когда?

— В ближайшие дни.

— Сколько?

— Готовыми держаться постоянно.

— Куда?

— Не сообщили.

Мать села. Лиза прижала куклу к груди.

— Мы едем?

Анна посмотрела на неё.

— Да, Лизхен.

— Когда?

— Скоро.

— На поезде?

Никто не ответил. Для ребёнка это всё ещё могло быть путешествием. Эмма завидовала ей. Отец достал из кармана сложенную бумагу. Положил на стол.

— Каждому взрослому разрешат взять личные вещи. Общий вес ограничат.

— Насколько? — спросила мать.

— Точно скажут перед отправкой.

Анна закрыла лицо руками. На несколько секунд. Потом убрала.

— Хорошо.

Она встала.

— Тогда ещё раз переберём.

— Сегодня не надо, — сказал отец.

— Надо.

— Анна.

— Я сказала надо.

Он не спорил. Все понимали: если мать перестанет складывать вещи, ей придётся думать. А думать сейчас было хуже.

Эмма легла поздно. Чемодан стоял возле кровати. Из него торчал край кофты. Она встала. Поправила. Потом проверила юбку. Fibel был на месте. Тонкая прямоугольная тяжесть в

подоле. Она достала письмо из училища. Развернула. Прочитала ещё раз. «В связи с обстоятельствами военного времени...» Ещё несколько недель назад эти слова уничтожили её планы. Теперь письмо казалось почти смешным. Экзамены. Дата. Поступление. Как далеко всё это оказалось. И всё же Эмма не выбросила его. Она сложила лист вчетверо и спрятала рядом со свидетельством. Потом достала кусочек мела. Положила на ладонь. Белый. Хрупкий. Совершенно бесполезный в дороге. Мать наверняка сказала бы оставить. Но Эмма завернула его в бумагу. Положила туда же.

Теперь у неё было три вещи, назначение которых трудно было объяснить человеку, собиравшемуся в неизвестность. Ключ от дома. Немецкий букварь. Кусочек школьного мела. Ни одна не могла накормить. Ни одна не согревала. Ни одну нельзя было обменять на что-нибудь ценное. Но именно их Эмма решила сохранить прежде всего. Она закрыла чемодан. Легла. Дом молчал. Из соседней комнаты доносилось дыхание Лизы. Где-то в стене скреблась мышь. За окном шелестело дерево. Эмма слушала знакомые звуки и пыталась запомнить каждый. Потом вдруг подумала: если человеку говорят, что он может взять с собой только самое необходимое, кто решает, что необходимо? Тот, кто назначает вес багажа? Мать, выбирающая между одеялом и посудой?

Отец, предпочитающий рубашке инструменты? Или сам человек? Эмма положила руку на карман с ключом. Ответ она уже знала. Иногда самым необходимым оказывается то,

без чего можно прекрасно выжить. Но без чего потом трудно понять, ради чего ты выжил.

Глава шестая

Сорок минут

Разбудили их до рассвета. Сначала Эмма слышала стук. Не в дверь — в калитку. Короткий, металлический. Потом ещё раз. Она открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, не понимая, что происходит. В комнате было темно. Сквозь окно едва проступало серое небо. Стук повторился, на этот раз сильнее. Отец в соседней комнате сразу поднялся. Эмма слышала шаги, скрип половиц, щелчок засова. Кто-то говорил во дворе. Тихо. Потом голос отца:

— Сейчас?

Другой голос ответил:

— Сейчас.

Эмма села на кровати. Сердце забилося быстро. Она уже знала. Не знала слов, но знала.

Через минуту Якоб вошёл в дом. Он не зажигал свет. Постоял в дверях и сказал:

— Вставайте.

Мать тоже уже не спала.

— Когда?

Отец посмотрел на неё.

— Через сорок минут быть у сельсовета.

Анна замерла.

— Сорок?

— Да.

— Они вчера говорили, что предупредят заранее.

— Предупредили.

— Сорок минут?

Якоб ничего не ответил. Мать поднялась, и тогда дом ожил сразу, без слов, словно все эти недели они только и ждали команды. Анна зажгла лампу. Жёлтый свет упал на стол, чемодан, мешки, одеяла. Пауль проснулся и сел на кровати.

— Уже?

— Одевайся, — сказала мать.

— Куда?

— Быстро.

— Мам...

— Пауль!

Он больше не спрашивал. Лиза заплакала, потому что её разбудили. Не от страха — от обиды.

— Я хочу спать.

— Лизхен, вставай.

— Не хочу.

— Надо.

— Почему?

Мать подняла её с кровати.

— Потому что мы едем.

Лиза открыла глаза.

— На поезде?

Анна не ответила. Эмма стояла посреди комнаты и вдруг

поняла, что не знает, что делать. Всё было собрано, и всё равно казалось, что они забыли самое важное. Она открыла шкаф. Посмотрела на платье, книги, белое выпускное платье. Провела по нему рукой. Нет, не нужно. Светлое, тонкое, совершенно непрактичное. Она уже отвернулась, потом снова посмотрела, сняла платье с вешалки, сложила и попробовала положить в чемодан. Места не было. Эмма вынула книгу по литературе. Платье поместилось. Книгу она положила на стол и несколько секунд смотрела на неё. Потом убрала платье обратно в шкаф и вернула книгу в чемодан. Отец увидел.

— Правильно.

— Почему?

— Книга меньше места занимает.

Эмма хотела ответить, но не стала. Якоб связывал верёвкой два одеяла. Руки у него двигались быстро и уверенно. Анна проверяла документы: один раз, второй, третий.

— Всё здесь?

— Всё.

— Свидетельства?

— Да.

— Метрики детей?

— Да.

— Военный билет?

— Да.

— Трудовая?

— Анна.

— Что?

— Есть.

Она кивнула и снова начала проверять. Отец взял её за руку.

— Хватит.

Анна посмотрела на него.

— Если потеряем...

— Не потеряем.

— Если...

— Не потеряем.

Она убрала бумаги под одежду. Эмма надела тёплую кофту поверх платья. Было жарко даже утром.

Мать сказала:

— Не снимай.

— Почему?

— Потом пригодится.

Эмма не спорила. Она проверила подол юбки. Fibel был там. Книга почти не ощущалась — только если знать. Она машинально коснулась кармана. Ключ на месте. Кусочек мела тоже. У двери стоял чемодан. Отец поднял его.

— Тяжёлый.

— Там книги.

— Вижу.

— Я могу нести сама.

— Понесёшь потом.

— Папа, я не ребёнок.

— Сегодня можно побыть ребёнком.

Она посмотрела на него. Он улыбнулся, но очень быстро.

Во дворе было ещё темно. Несколько домов уже светились. По улице шли люди с узлами, мешками, детьми, одеялами. Кто-то вёл корову. Кто-то спорил. Кто-то плакал. Эмма впервые увидела посёлок таким. Не просыпающимся — уходящим. Возле дома Шульцев стояла Марта. У неё был один большой мешок и маленький чемодан.

— Анна!

Мать подошла.

— Где дети?

— Здесь.

Из-за забора вышли двое. Сонные. Марта оглянулась на дом.

— Я письмо оставила.

— Где?

— На чердаке.

— Хорошо.

— А если Генрих вернётся?

Анна обняла её.

— Найдёт.

— Ты думаешь?

— Найдёт.

Марта кивнула слишком быстро.

— Конечно.

Она закрыла калитку, потом снова открыла и вернулась во двор. Все ждали. Через минуту Марта вышла с маленькой деревянной шкатулкой.

— Забыла.

— Что там?

— Ничего.

Она прижала её к груди. Анна ничего больше не спрашивала.

До сельсо-

та они шли медленно. Не потому что дорога была длинной, а потому что все оглядывались. Эмма заметила это. Люди шли вперёд, но голова каждого время от времени поворачивалась назад: на дом, на сад, на калитку, на окно. Так оглядываются, когда уходят ненадолго. Но никто не верил, что ненадолго. У сельсовета стояли две машины и несколько подвод. Рядом — люди в форме. Один держал список. Фамилии вызывали громко.

— Кляйн!

— Здесь!

— Шульц!

— Здесь!

— Вайс!

Отец ответил:

— Здесь.

Человек посмотрел на семью.

— Пять человек?

— Пять.

— Вещи?

— Вот.

Он осмотрел узлы.

— Много.

— Нам говорили...

— Оставляйте лишнее.

Анна побледнела.

— Что лишнее?

— Сами решайте.

— Сколько можно?

Мужчина пожал плечами.

— На подводе всё не увезём.

— Но нам не сказали веса.

— Теперь говорю.

Якоб поставил чемодан.

— Что оставить?

Мужчина уже смотрел в список.

— Следующий!

— Подождите.

Он поднял глаза.

— Что?

Отец показал на вещи.

— Нам надо понять.

— Понимайте быстрее.

Анна стояла неподвижно. Одеяла, мешок с одеждой, чемодан, сухари, инструменты, небольшой мешок крупы — всё вдруг стало лишним. Эмма увидела, как мать растерялась. Впервые.

— Анна.

— Что?

— Оставим посуду.

— Какая посуда?

— В мешке.

— Там не только посуда.

— Тогда перебери.

— Здесь?

— А где?

Она опустила на землю и развязала мешок. Вещи начали появляться одна за другой: кастрюля, тарелки, полотенца, две кружки, нож, сковорода. Анна смотрела на каждую и откладывала.

— Кружки нужны.

— Одна.

— Нас пять.

— Будем пить по очереди.

Она отложила вторую. Кастрюлю оставили. Сковороду — нет. Тарелки — две. Нож. Полотенца. Потом дошли до тёплой одежды.

— Это не трогай, — сказал Якоб.

— Но тяжело.

— Будет холодно.

— Где?

— Не знаю.

— Тогда откуда...

Он посмотрел. Она замолчала. Всё опять упиралось в это слово. Не знаю. Эмма вдруг увидела велосипед. Он стоял возле забора сельсовета. Пауль всё-таки притащил его.

— Пауль!

Мальчик замер.

— Я только до сюда.

— Я сказала оставить!

— Я оставлю.

— Тогда зачем тащил?

Пауль смотрел на велосипед.

— Хотел ещё раз проехать.

Отец подошёл к нему.

— Давай.

— Что?

— Один круг.

Анна повернулась.

— Якоб!

— Один.

Пауль не поверил.

— Правда?

— Быстро.

Он сел и проехал вокруг площади. Сначала медленно, потом быстрее. Эмма смотрела, как крутятся колёса, как мальчик наклоняется вперёд, как ветер поднимает его волосы. На несколько секунд всё стало обычным. Пауль просто ездил на велосипеде. Потом он остановился, слез и поставил велосипед возле забора.

— Всё.

Отец кивнул.

— Всё.

Пауль провёл ладонью по рулю.

— А кто его возьмёт?

— Не знаю.

— Может, никто.

— Может.

— Тогда он будет стоять.

— Может.

Пауль отошёл. Не оглянулся. Эмма видела, как он сжал зубы.

Людей погрузили на подводы. Сначала стариков, потом детей. Остальные шли рядом. Куда — никто не говорил, но все знали, что к станции. Дорога проходила через весь посёлок. Эмма оказалась рядом с отцом. Он нёс чемодан.

— Дай.

— Не надо.

— Тяжёлый.

— Потом.

— Я могу.

— Знаю.

Они шли. У каждого дома оставалась часть жизни. Возле одного забора стояла привязанная собака. Она рвалась за хозяевами и лаяла. Хозяин несколько раз оборачивался, потом не выдержал, вернулся и отвязал её.

— Беги.

Собака не побежала. Пошла за ним.

Человек в форме крикнул:

— Животных не брать!

— Она сама!

— Отгони!

Хозяин замахнулся. Собака пригнулась, но осталась. Он замахнулся ещё раз. Эмма отвернулась. Через несколько минут снова посмотрела. Собаки не было. Она не знала, куда та делась.

Когда проходили мимо школы, Эмма остановилась совсем ненадолго. Окна закрыты. Дверь тоже. Тополя шумели. На крыльце никого. Она представила класс. Доску. Марию Иванову. Красный карандаш.

— Эмма!

Отец обернулся.

— Иду.

Она догнала.

— Что там?

— Ничего.

— Попрощалась?

Эмма посмотрела на него.

— Да.

Отец кивнул.

Дом был впереди. Их дом. Дорога проходила прямо мимо него. Эмма увидела белую стену, окно, скамью, шелковицу. Калитка осталась открытой. Мать остановилась.

— Якоб.

Отец тоже остановился. Колонна шла дальше.

— Быстрее! — крикнул кто-то.

Анна не двигалась.

— Я дверь не закрыла.

— Закрыла.

— Нет.

— Я закрыл.

— Точно?

— Да.

— А окно?

— Тоже.

— Куры?

Отец молчал.

— Якоб.

— Выпустил.

Мать кивнула. Лиза потянула её за руку.

— Мам, а цветы?

Анна посмотрела на клумбу.

— Что цветы?

— Кто их польёт?

Никто не ответил. Лиза подошла к калитке.

— Я быстро.

Мать схватила её.

— Нет.

— Они засохнут.

— Нельзя.

— Я только воды.

— Лиза!

Девочка заплакала. Тихо. Эмма обняла её.

— Может, дождь будет.

— А если нет?

— Будет.

— Откуда знаешь?

Эмма закрыла глаза.

— Просто знаю.

Это была первая ложь за утро, в которой она не чувствовала вины. Отец стоял у калитки и смотрел. Эмма подошла.

— Папа.

Он не ответил. Дом был совсем рядом. Несколько шагов. Можно войти, сесть за стол, поставить чайник, открыть окно — будто ничего не произошло.

— Якоб! — позвала мать.

Он вздрогнул.

— Иду.

Перед тем как уйти, отец положил руку на калитку. Просто коснулся. Потом закрыл её. Не запер. Эмма слышала щелчок. Очень тихий. И этот звук почему-то оказался тяжелее всего. За последними домами начиналась степь. Солнце поднялось. Стало жарко. Люди шли молча. Иногда слышался плач ребёнка, иногда скрип колёс, иногда команды. Эмма оглянулась. Посёлок уменьшался. Сначала исчезли низкие дома. Потом крыши. Потом остались только тополя. Потом и они растворились.

— Не смотри, — сказала мать.

— Почему?

— Не знаю.

Эмма всё равно смотрела, пока можно было. Потом осталась только дорога, белая пыль, поле, небо и ключ в её кармане. Она сжала его рукой. Дом уже нельзя было увидеть. Но ключ существовал. Значит, существовал и дом. Так она решила. До станции добрались к полудню. Эмма ожидала увидеть обычный вокзал: людей с билетами, поезда, чемоданы, шум. Но их привели не к пассажирской платформе, а к грузовым путям. Там стояли вагоны. Тёмные, деревянные, с маленькими окнами под крышей. Эмма остановилась.

— Папа.

Якоб тоже смотрел.

— Это не пассажирские.

— Вижу.

— Мы поедem в них?

Он не ответил. Люди вокруг тоже начали понимать. Кто-то сказал:

— Скотные.

Другой резко ответил:

— Молчи.

Женщина рядом заплакала.

— Господи...

Человек в форме крикнул:

— Семьи не расходиться! Ждать команды!

Все сбились ближе. Отец поставил чемодан.

— Садитесь.

Анна села на узел. Лиза рядом. Пауль стоял. Эмма смотрела на вагоны. На одном мелом был написан номер. Большие белые цифры. Она машинально прочла. Потом заметила, что на двери есть железная щеколда. Снаружи. Не внутри. Холод прошёл по спине.

— Папа.

— Что?

Она показала взглядом. Отец увидел сразу. Но ничего не сказал. Они ждали долго. Час. Может быть, больше. Никто не знал. Время перестало быть обычным. Его больше нельзя было измерять делами, завтраком, обедом, работой — только ожиданием команды. В какой-то момент начали зачитывать фамилии. Людей распределяли по вагонам.

— Кляйн! Восьмой!

— Шульц! Восьмой!

— Вайс!

Отец поднялся.

— Здесь.

Человек посмотрел в список.

— Девятый вагон.

Якоб взял чемодан. Анна — узел. Пауль — мешок. Эмма подхватила одеяла. Лиза несла куклу. Они подошли к вагону. Дверь была открыта. Внутри темно. Люди уже сидели на полу. Один мужчина помогал подниматься старикам. Отец первым поставил чемодан внутрь, потом поднял Лизу.

Она сразу сказала:

— Темно.

— Глаза привыкнут.

Пауль забрался сам. Анна поднялась. Эмма осталась последней. Она поставила ногу на подножку.

И в этот момент кто-то позвал:

— Вайс!

Отец обернулся. Возле списка стоял другой мужчина.

— Якоб Генрихович?

— Да.

— Сюда.

Отец прыгнул. Анна высунулась из вагона.

— Что?

— Сейчас.

— Куда ты?

— Сейчас вернусь.

Эмма почувствовала, как всё внутри сжалось.

— Папа.

Якоб посмотрел на неё.

— Сиди с матерью.

— Но...

— Сейчас.

Он подошёл к человеку со списком. Тот что-то спросил. Отец ответил. Потом они отошли в сторону. Анна пыталась увидеть.

— Что там?

Эмма спустилась обратно.

— Стой! — крикнул человек у вагона. — Куда?

— Отец.

— Вернись.

— Я только...

— В вагон.

Эмма замерла. Отец был в двадцати шагах. Совсем близко. Но уже будто не с ними. Рядом появились ещё несколько мужчин. Все немцы. Их фамилии тоже проверяли. Кто-то держал документы. Кто-то спорил.

— Что происходит? — спросила Анна.

Никто не ответил.

Эмма снова позвала:

— Папа!

Якоб услышал. Повернулся. Поднял руку. Жест был простой. Оставайся. Эмма послушалась. Забралась в вагон. Не потому что хотела. Потому что отец сказал. Дверь ещё долго оставалась открытой. Эмма сидела возле самого края и смотрела наружу. Отец стоял в группе мужчин. Потом их повели вдоль состава.

— Куда? — закричала Анна.

Она попыталась выйти. Человек у двери остановил её.

— Женщина, назад.

— Там мой муж!

— Вернётся.

— Куда вы его ведёте?

— Проверка.

— Какая проверка?

— Документов.

— У него всё есть!

— Назад.

Анна вцепилась в край двери.

— Якоб!

Отец обернулся.

— Анна!

— Куда?!

Он не знал. Это было видно. Он хотел что-то сказать, но мужчина рядом подтолкнул его. Они пошли дальше. Эмма увидела лицо отца в последний момент. Пыль. Усталость. Тёмная полоса на воротнике рубашки. Он снова поднял руку. Потом исчез за вагонами. Анна стояла у двери.

— Вернётся.

Сказала сама себе. Никто не ответил.

— Это проверка.

Эмма кивнула.

— Да.

— Он сказал, что вернётся.

— Да.

— Слышала?

— Слышала.

— Значит, вернётся.

— Конечно.

Лиза спросила:

— А папа где?

Мать повернулась.

— Сейчас придёт.

— Когда?

— Скоро.

Лиза прижала Грету к груди.

— Хорошо.

Дверь вагона начали закрывать. Анна вскочила.

— Подождите!

Снаружи человек сказал:

— Все на месте?

— Муж не вернулся!

— Фамилия?

— Вайс!

Он посмотрел в лист.

— Мужчины проходят проверку. Потом подсадят.

— В этот вагон?

— Да.

— Точно?

— Женщина, отойдите от двери.

Она не отходила. Эмма взяла мать за руку.

— Мам.

— Нет.

Дверь поехала в сторону. Светлая полоса становилась всё уже. Анна смотрела наружу, на пустое место, где только что стоял отец.

— Якоб!

Никто не ответил. Дверь закрылась. Железо ударило о железо. Снаружи щёлкнула щеколда. В вагоне стало темно. Кто-то начал плакать. Ребёнок закричал. Пауль подошёл к матери.

— Он придёт?

Анна долго не отвечала.

Потом сказала:

— Придёт.

Эмма сидела рядом. Чувствовала в подоле твёрдый край Fibel. Ключ давил в бок. Кусочек мела лежал в кармане. Всё было на месте. Кроме отца. И впервые с того утра, когда началась война, Эмма поняла, что можно потерять человека не тогда, когда видишь его смерть. Иногда человек просто отходит на несколько шагов. Его закрывает чужая спина. Потом вагон. Потом дверь. И ты ещё очень долго продолжаешь ждать, потому что никто не сказал тебе самого страшного слова.

Глава седьмая

Девятый вагон

Поезд тронулся не сразу. Сначала за стеной вагона несколько раз лязгнуло железо. Потом что-то тяжело ударило впереди, толчок передался по всему составу, люди качнулись, кто-то схватился за стену, кто-то за соседа. Лиза испуганно прижалась к матери. Несколько минут спустя всё снова стихло. Анна сидела возле двери и слушала. Эмма пони-

мала, чего она ждёт: шагов, голоса, щелчка щеколды, любого звука, после которого дверь откроется и отец скажет, что произошла ошибка, что проверка закончена, что его наконец пустили обратно. Но снаружи слышались только команды, гул голосов и стук колёс по соседнему пути.

— Он ещё придёт, — сказала Анна.

Никто ей не возражал. Пауль сидел напротив, обхватив колени руками. Он больше не спрашивал об отце. В его возрасте мальчики уже начинают понимать, что некоторые вопросы лучше не повторять, если взрослые не знают ответа. Лиза такого ещё не понимала.

— Мама.

— Что, Лизхен?

— А папа в другом вагоне?

Анна посмотрела на неё.

— Наверное.

— Почему?

— Там мужчины.

— А почему они отдельно?

— Не знаю.

— А потом он придёт?

— Придёт.

Лиза удовлетворённо кивнула и стала поправлять платье своей куклы. Эмма отвернулась. Ей было страшно не потому, что мать могла ошибаться. Страшнее было другое: Анна сама уже не верила собственным словам. В вагоне находи-

лось человек сорок, может быть, больше. Эмма пыталась сосчитать, но постоянно сбивалась. Некоторые семьи она знала по посёлку, других видела только издали. Здесь все сразу стали ближе друг к другу просто потому, что между людьми почти не оставалось свободного места. На полу лежал тонкий слой старой соломы. Вдоль стен кто-то успел прибить несколько досок, похожих на нары, но мест на них хватало только старикам и маленьким детям. Остальные сидели на вещах или прямо на полу. В противоположном углу находилось ведро. Сначала Эмма не поняла, зачем оно поставлено отдельно, потом поняла и сразу отвела глаза.

Под самым потолком было маленькое зарешеченное окно. Через него внутрь падал прямоугольник света. Воздуха не хватало. Вагон ещё не двигался, но люди уже начинали обмахиваться платками. Кто-то попытался открыть дверь изнутри. Щёколда не поддалась. Мужчина постучал кулаком.

— Эй!

Ответа не было. Он постучал ещё.

— Воды хотя бы дайте!

Снаружи кто-то прошёл мимо.

— Слышите?

Шаги удалились. Мужчина выругался.

Пожилая женщина возле стены сказала:

— Не надо.

— Что не надо?

— Кричать.

— А что, молчать?

— Всё равно не откроют.

— Откуда вы знаете?

Женщина пожала плечами.

— Вижу.

Мужчина отвернулся. Эмма посмотрела на мать. Анна сидела неподвижно. Руки лежали на коленях. Документы были спрятаны под одеждой. Лицо стало каким-то собранным, даже строгим. Так она выглядела, когда кто-нибудь из детей болел и нельзя было позволить себе испугаться раньше времени.

— Мам, попей.

Эмма протянула кружку. Воду они взяли из дома. Одна бутылка лежала в мешке, другая была почти пустой.

— Детям оставь.

— Ещё есть.

— Потом попью.

Эмма отпила сама совсем немного, чтобы мать не заметила, что она тоже решила экономить. Рядом сидела Марта Шульц со своими детьми. Деревянную шкатулку она держала на коленях и ни разу не выпустила из рук. Анна наконец посмотрела на неё.

— Что там всё-таки?

Марта некоторое время молчала.

— Фотографии.

Она открыла крышку. Внутри действительно лежали фо-

тографии. Некоторые были совсем старые, на плотном картоне, с пожелтевшими краями. Сверху лежал снимок Генриха Шульца. Марта достала его.

— Вот.

На фотографии Генрих был моложе. Без очков. Стоял возле какого-то дома в белой рубашке.

— Это когда?

— Девятнадцатый год.

— Ты его уже знала?

— Нет.

Марта улыбнулась.

— Тогда бы я за него не вышла.

— Почему?

— Слишком красивый.

Анна тоже улыбнулась, совсем немного. Марта убрала фотографию.

— Он вернётся домой, а нас нет.

Анна сразу перестала улыбаться.

— Найдёт письмо.

— Если его выпустят.

Никто не сказал ничего. Вагон опять дёрнулся. На этот раз сильнее. Где-то впереди один за другим раздались удары сцепок. Они приближались, будто кто-то огромный шёл по поезду, толкая каждый вагон. Потом девятый вагон тоже вздрогнул. Колёса медленно повернулись. Поезд тронулся. Сначала почти незаметно. Потом доски под ногами нача-

ли мелко дрожать. За маленьким окном поплыло небо. Анна поднялась.

— Откройте!

Она ударила ладонью по двери.

— Откройте! Мужа не посадили!

Эмма вскочила следом.

— Мам.

Анна не слышала.

— Здесь человека не хватает! Слышите?

Она стучала всё сильнее.

— Якоб Вайс! Его забрали на проверку! Он должен быть здесь!

Люди молчали. Никто не пытался её остановить. Наверное, потому что у каждого было имя, которое он сам боялся однажды выкрикнуть в закрытую дверь.

— Мам!

Эмма схватила её за руки.

— Пусти.

— Поезд уже едет.

— Я вижу!

— Мам...

— Они сказали, что его вернут!

Голос сорвался.

— Они сказали!

Эмма обняла её. Анна несколько секунд сопротивлялась, потом перестала. Уткнулась лицом дочери в плечо.

— Он там остался.

— Нет.

— Остался.

— Его посадят в другой вагон.

Мать подняла голову.

— Откуда ты знаешь?

Эмма не знала.

— Они же не оставят его на станции.

— Почему?

Эмма не нашлась, что ответить. Анна медленно села. Поезд набирал скорость. Колёса застучали равномернее. Та-та. Та-та. Та-та. Этот звук постепенно заполнил всё пространство.

Лиза спросила:

— Мы уже едем?

Никто ей не ответил.

— Мам, мы едем?

Анна вытерла лицо.

— Да.

— А папа?

Пауза была совсем короткой.

— Папа тоже едет.

Эмма посмотрела на мать. Анна выдержала её взгляд, и обе решили не спорить.

Через щели между досками иногда проникал свет. Эмма пыталась понять, куда идёт поезд, но увидеть почти ничего

не удавалось. Если встать на чемодан и подтянуться к окну, можно было различить кусок степи, телеграфные столбы и иногда крыши далёких домов. Пауль первым забрался наверх.

— Что там? — спросила Лиза.

— Поле.

— Наше?

— Нет.

— Откуда знаешь?

— Нашего уже не видно.

Лиза задумалась.

— А школа?

— Тоже.

— А дом?

Пауль спустился.

— Лиза, перестань.

— Я просто спросила.

— Всё там осталось.

— Где там?

Он раздражённо махнул рукой.

— Там!

Девочка обиделась. Эмма посадила её рядом с собой.

— Хочешь посмотреть?

— Да.

Она подняла сестру. Лиза ухватила за доску и прижалась лицом к решётке.

— Быстро едем.

— Быстро.

— Там корова!

— Где?

— Уже нет.

Она засмеялась. Эмма тоже улыбнулась.

Через несколько секунд Лиза вдруг сказала:

— А если папа в другом вагоне, он тоже видит корову?

Эмма чуть не отпустила её.

— Может быть.

— Тогда хорошо.

Лиза ещё немного смотрела наружу. Для неё этого объяснения было достаточно. Эмма поставила сестру на пол и сама поднялась к окну. Поезд действительно шёл через степь — знакомую и уже чужую. Поля тянулись далеко. Иногда мелькали деревья. Возле одной станции стояли люди, но состав прошёл мимо, не замедлившись. Эмма подумала: если сейчас они проезжают совсем близко от дома, она всё равно не сможет понять. География прежней жизни исчезала удивительно быстро. До вчерашнего дня она знала, где находится школа, где живут Кляйны, сколько идти до пруда и за каким поворотом начинается дорога в район. Теперь осталось только направление движения. Вперёд. Куда-то на восток.

Днём стало невыносимо душно. Дерево нагрелось. Воздух стоял тяжёлый, пропитанный потом, пылью, детским плачем и запахом старой соломы. Маленькое окно почти не помога-

ло. Воду начали делить. Не по семьям — на всех. Мужчина, который утром стучал в дверь, предложил поставить бутылки вместе.

— Иначе у одних закончится сегодня, у других завтра.

Кто-то возразил:

— Каждый своё брал.

— А дети тоже своё брали?

— Я своим детям воду оставляю.

— А чужому ребёнку не дадите?

Начался спор. Сначала тихий, потом громче.

Мужчина сказал:

— Если начнём сейчас делиться на своё и чужое, через неделю перегрызёмся.

— Откуда вы знаете, сколько ехать?

— Не знаю.

— Тогда зачем говорите про неделю?

— Потому что нас не на соседнюю станцию везут.

Это все понимали. В конце концов воду собрали. Не всю. Несколько семей оставили по бутылке у себя. Никто их не осудил. Эмма заметила, что мать тоже не отдала последнюю маленькую флягу.

— Мам.

Анна приложила палец к губам.

Позже тихо сказала:

— Для Лизы.

Эмма кивнула. Впервые ей стало ясно, что прежние пра-

вила постепенно перестают работать. Дома мать никогда не спрятала бы воду от соседа. Здесь она спрятала. Не потому что стала хуже. Потому что рядом сидел её ребёнок.

Около полудня поезд остановился. Сразу стало слышно, насколько все устали от стука колёс. Тишина оказалась почти оглушительной. Люди насторожились. Кто-то подошёл к двери. Снаружи раздались шаги. Щеколда отодвинулась. Дверь открылась лишь настолько, чтобы пролез человек. Солнечный свет ударил в глаза. Несколько женщин одновременно поднялись.

— Воды!

— Здесь больной!

— Ребёнку плохо!

— Мужчин куда увезли?

Человек в форме крикнул:

— По одному!

Никто его не слушал. Он ударил ладонью по двери.

— Тихо!

Стало немного тише. На платформе стояли ведра. Двум мужчинам разрешили выйти за водой. Анна сразу подошла ближе.

— Скажите, пожалуйста.

Человек даже не посмотрел.

— Назад.

— Моего мужа отделили на станции.

— Назад, говорю.

— Якоб Вайс. Его забрали с другими мужчинами.
Он наконец повернул голову.

— И что?

— Где они?

— Не знаю.

— Вы можете посмотреть?

— Я не обязан ничего смотреть.

— Нам сказали, что их подсадят.

— Значит, подсадят.

— Когда?

— Женщина, отойдите.

Анна не двигалась. Эмма видела, как дрожит её подбородок.

— Хотя бы скажите, они едут с нами?

— Я не знаю.

Анна опустила голову. Человек уже отвернулся. Эмма неожиданно шагнула вперёд.

— А списки у кого?

Он посмотрел на неё.

— Какие списки?

— Мужчин.

— Девушка, назад.

— Если есть список, можно узнать.

— Назад!

Эмма отступила. Дверь снова начали закрывать. Мужчины успели занести два ведра воды.

Кто-то снаружи сказал:

— По двадцать минут стоим.

Анна слышала. Она резко повернулась к Эмме.

— Двадцать минут.

— Что?

— Мы стоим двадцать минут.

Она бросилась к двери.

— Что ты делаешь?

— Если их ведут отдельным составом, может, они здесь.

— Мам...

— Надо посмотреть.

Дверь уже почти закрылась.

— Подождите!

Никто не ответил. Щеколда снова встала на место. Анна прижалась лицом к щели. Эмма тоже стала смотреть. На соседнем пути стоял другой товарный состав. Люди двигались вдоль него. Несколько солдат, железнодорожники, много мужчин. Издалека невозможно было различить лица.

— Якоб! — крикнула Анна.

Соседи обернулись.

— Якоб!

Эмма тоже смотрела. Вдруг ей показалось, что один мужчина возле третьего вагона похож на отца. Та же кепка. Та же походка.

— Там!

— Где?

— Возле вагона!

Анна прижалась к щели.

— Где?

— Вон, идёт!

Мужчина исчез за группой людей.

— Якоб!

Поезд дёрнулся.

— Нет!

Анна ударила по двери. Состав медленно пошёл. Эмма продолжала смотреть в щель. На секунду мужчина появился снова. Теперь она уже не была уверена. Слишком далеко. Может быть, отец. Может быть, совсем другой человек.

— Это был он? — спросила мать.

Эмма молчала.

— Эмма!

Она посмотрела на Анну. Нужно было выбрать: правду или надежду.

— Да.

Мать закрыла глаза.

— Я знала.

Эмма почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось. Она соврала второй раз. И снова не пожалела.

* * *

К вечеру разговоры стихли. Усталость оказалась сильнее страха. Дети начали засыпать прямо на вещах. Старики легли на нары. Остальные пытались устроиться на полу так, что-

бы не давить друг друга. Эмма сидела, прислонившись спиной к стене. На коленях спала Лиза. Её голова стала тяжёлой, но Эмма боялась пошевелиться. Анна лежала рядом. Глаза у неё были открыты. Пауль устроился возле чемодана.

В какой-то момент он тихо сказал:

— Ты правда видела папу?

Эмма посмотрела на мать. Кажется, она не слышала.

— Тебе зачем?

— Просто.

— Видела.

Пауль молчал.

— Что?

— Ничего.

— Ты мне не веришь?

— Верю.

Но сказал слишком быстро. Эмма поняла: он тоже научился распознавать ложь. Некоторое время они сидели молча.

Потом Пауль спросил:

— А если он не с нами?

— С нами.

— Я не про вагон.

Эмма посмотрела на брата. Ему было двенадцать. Утром он хотел ещё раз прокатиться на велосипеде. Теперь лицо стало старше.

— Спи.

— Я не хочу.

— Тогда просто молчи.

Он отвернулся.

Ночью Эмма проснулась от того, что кто-то задел её ногу. В вагоне было почти совсем темно. Только через окно падал слабый лунный свет. Поезд продолжал идти. Лиза спала рядом с матерью. Анна тоже наконец уснула. Эмма осторожно выпрямила затёкшие ноги. Подол юбки натянулся, и она сразу вспомнила о букваре. Проверила рукой. На месте. В темноте Fibel казался особенно опасным. Днём рядом постоянно были люди, и думать о нём было некогда. Теперь Эмма вдруг представила, что будет, если начнут досматривать вещи. Зачем немецкой семье немецкий букварь? В другое время вопрос показался бы бессмысленным. Теперь он пугал. Она вспомнила человека, который приходил в дом и спрашивал о немецких книгах.

— Сейчас есть?

Мать тогда ответила:

— Не знаю.

Эмма сказала то же. Получалось, что они уже лгали из-за этой книги. Если её найдут сейчас, станет ясно, что лгали сознательно. Что тогда? Она не знала. Может быть, ничего. Может быть, отберут. Может быть... Эмма не захотела продолжать. Она осторожно достала юбку из-под себя и нащупала шов. Можно было вынуть книгу и выбросить на ближайшей остановке. Никто не узнает. Отец сам говорил, что

лучше оставить. Теперь дома уже нет рядом. Книга не могла помочь им найти его, не могла вернуть Якоба, не могла дать воды или еды. Она только добавляла опасности. Эмма стала нащупывать нитку. Ногтем можно было распороть несколько стежков. Она остановилась. Перед глазами возникла первая страница.

Für Emma.

И дальше отцовский почерк. Эмма убрала руку. Нет. Пусть. Она ещё не знала почему. Просто пусть. Возможно, потому что в этом вагоне всё, что принадлежало прежней жизни, уже начинало казаться доказательством того, что прежняя жизнь действительно была. Дом был. Школа была. Отец был рядом. Она была девочкой, которая собиралась поступать в педагогическое училище. И если оставить всё это по дороге, однажды можно самому начать сомневаться, существовало ли оно вообще. Эмма пригладила подол. Книга осталась внутри.

Утром поезд всё ещё шёл. Никто не знал, сколько километров осталось позади и сколько было впереди. Воды стало меньше. Дети проснулись голодными. Анна разделила кусок хлеба. Каждому по небольшому ломтю. Лиза посмотрела на свой.

— А папе?

Мать замерла.

— Что?

— Мы папе оставили?

Анна посмотрела на хлеб, потом отломилла от своей порции небольшой кусочек и завернула в платок.

— Вот.

— Он не засохнет?

— Нет.

Лиза успокоилась. Пауль отвернулся. Эмма смотрела на маленький свёрток в руках матери. Она могла сказать, что хлеб нужно съесть. Что неизвестно, когда дадут следующий. Что отец, если он действительно в другом вагоне, получит свою еду. Но ничего не сказала. Анна спрятала кусок в карман. И с этого утра в семье Вайсов появилась новая привычка. При каждом деле оставлять место для Якоба: когда делили хлеб — его часть; когда говорили о том, сколько людей в семье, — пять; когда думали, куда их везут, — вместе; когда Лиза спрашивала, где отец, — рядом, только в другом вагоне. Никто не договаривался об этом. Просто иначе пока было невозможно. Признать, что Якоб исчез, означало бы признать существование мира, в котором человек может утром закрыть свою калитку, через несколько часов отойти от семьи на двадцать шагов и больше никогда не вернуться.

К такому миру они ещё не были готовы. Поэтому отец ехал с ними. В другом вагоне. Где-то впереди. И Эмма держалась за эту мысль почти так же крепко, как за ключ от дома, который всё ещё носила при себе.

Глава восьмая

Дорога на восток

На третий день дороги люди перестали спрашивать, когда их привезут. Сначала этот вопрос звучал постоянно. Его задавали детям, сопровождающим, друг другу и даже тем, кто заведомо ничего не мог знать. Потом он как-то исчез сам собой. Наверное, потому что ответ всё равно не менялся. Никто не знал ни куда идёт поезд, ни сколько ещё будет идти, ни что ожидает их в конце пути. Постепенно неизвестность перестала быть событием и стала состоянием, в котором приходилось просыпаться, есть, ждать остановок и снова засыпать под равномерный стук колёс.

Утро начиналось одинаково. Кто-нибудь первым замечал свет в маленьком окне, дети просыпались, люди распрямляли затёкшие ноги, поправляли одежду, считали оставшуюся воду. Потом начинались тихие разговоры, кашель, детский плач. Кто-то пытался умыться из кружки, кто-то экономил каждую каплю. Эмма быстро научилась спать сидя. Голова сначала падала на плечо, шея болела, потом тело будто само нашло положение, в котором можно было забыться на несколько часов. Ей снились странные сны. То она снова сидела за школьной партой и Мария Ивановна просила написать букву «Д». То отец стоял возле колодца и держал в руках ключ. То поезд проходил мимо их дома, а они никак не могли выйти, хотя дверь вагона была открыта. Просыпаясь, Эмма несколько секунд не понимала, где находится. Потом чувствовала запах старой соломы, слышала колёса и вспоминала.

Анна почти не спала. Эмма замечала это по её лицу. Глаза стали глубже, кожа потемнела от пыли, губы постоянно были сухими. Но мать продолжала делать всё так, словно они находились дома. Следила, чтобы Лиза ела, заставляла Пауля не сидеть на сквозняке возле щели, складывала одежду, несколько раз в день расчёсывала девочкам волосы. Даже в вагоне она требовала порядка.

— Эмма, косу переплети.

— Зачем?

— Потому что ты на человека не похожа.

— Здесь все не похожи.

— Меня другие не интересуют.

Эмма послушно распускала волосы. Иногда это раздражало. Иногда, наоборот, успокаивало. Пока мать замечала расчёсанную косу, мир ещё не разрушился окончательно. Пауль изменился быстрее всех. Первые сутки он всё время пытался смотреть в окно. Потом перестал. Сидел рядом с мужчинами и слушал их разговоры. Ему нравилось, когда к нему обращались как ко взрослому: просили подвинуть мешок, помочь поднять ведро, придержать ребёнка.

Однажды Анна заметила, как он несёт воду от двери к дальнему углу.

— Осторожно!

— Я осторожно.

— Не расплескай.

— Не расплескаю.

— Пауль...

Он резко остановился.

— Мама, я могу сам.

Анна тоже остановилась.

— Я знаю.

— Тогда не говори всё время.

— Хорошо.

Он пошёл дальше. Мать смотрела ему вслед, и Эмма увидела на её лице не обиду, а удивление. Словно Пауль вдруг вырос за один день и она не успела заметить, когда именно это произошло. Лиза, наоборот, оставалась ребёнком и тем самым спасала всех от слишком долгих мыслей. Она разговаривала с куклой, давала ей пить из пустой крышки и объясняла, что папа едет впереди.

— Грета боится поезда.

— Почему? — спросила Эмма.

— Громко.

— А ты не боишься?

Лиза задумалась.

— Нет.

— Совсем?

— Немножко.

Она поднесла куклу к уху.

— Грета говорит, что папа нас встретит.

Эмма посмотрела на мать. Анна отвернулась.

На четвёртый день рядом с ними умер старик. Его звали

Август Реймер. Эмма раньше почти его не знала. Он жил на другом конце посёлка с дочерью и двумя внуками. В вагоне Реймер лежал на нижней доске и почти не вставал. У него был сильный кашель, потом начался жар. Люди пытались отдавать ему воду, но он уже почти не пил. Ночью кашель прекратился. Сначала никто не заметил. Утром дочь долго звала его.

— Папа.

Он не ответил.

— Папа.

Она потрясла его за плечо.

— Папа, поезд остановился.

Реймер лежал неподвижно. Женщина продолжала трогать его руку, словно ещё можно было разбудить. Кто-то подошёл, проверил дыхание и тихо сказал:

— Всё.

Дочь посмотрела на него.

— Что всё?

Мужчина не ответил. Она сразу поняла. Заплакала не громко. Просто села рядом и взяла отца за руку.

Лиза спросила:

— Он спит?

Анна прижала девочку к себе.

— Да.

Эмма посмотрела на мать. Анна едва заметно покачала головой. Не сейчас. Эмма промолчала. Когда поезд остано-

вился, люди начали стучать в дверь. Долго никто не подходил. Потом щеколда отодвинулась.

— Что?

— Умер человек.

Сопровождающий посмотрел внутрь.

— Кто?

— Реймер Август Фридрихович.

— Давно?

— Ночью.

Он позвал кого-то. Через несколько минут тело вынесли. Дочь попыталась выйти следом.

— Куда?

— Я с ним.

— Нельзя.

— Это мой отец!

— Нельзя.

— Куда вы его?

— Похоронят.

— Где?

Человек посмотрел на неё так, будто вопрос был лишним.

— Здесь.

Женщина оглянулась на станцию. Это была маленькая остановка, вокруг которой не было почти ничего, кроме путей, нескольких построек и далёкой полосы поля.

— Как здесь?

— Как получится.

— Но я должна знать.

— Отойдите.

Она вцепилась в дверной край.

— Хотя бы скажите название станции!

Сопровождающий помолчал. Потом назвал. Женщина повторила один раз, второй, третий, будто заучивала.

— Запомнила? — спросила Марта.

— Да.

— Я тоже запомню.

— Зачем?

— Чтобы не забылось.

Тело унесли. Дверь закрылась. Поезд тронулся через полчаса. Дочь Реймера долго сидела молча. Потом достала из кармана карандаш и написала название станции на внутренней стороне чемодана. Эмма наблюдала за ней и теперь поняла зачем. Иногда память требовала места, где её можно было записать.

Днём поезд пересёк широкую реку. Люди почувствовали мост ещё раньше, чем увидели воду. Звук колёс изменился, стал гулким, металлическим. Вагон дрожал сильнее. Все, кто мог, потянулись к окну. Пауль забрался первым.

— Река!

— Какая? — спросил кто-то.

— Не знаю.

— Большая?

— Очень.

Эмма тоже поднялась. Между прутьями решётки виднелась вода. Серо-синяя, широкая, блестящая под солнцем. Мост казался бесконечным.

Кто-то сказал:

— Днепр?

Другой возразил:

— Днепр уже дол-

быть позади.

— Откуда знаешь?

— По направлению.

— Какому направлению?

— Восток.

Мужчина у стены сказал:

— Может, Дон.

— До Дона ещё ехать.

— А сколько мы едем?

— Четыре дня.

— Поезда по-разному идут.

Спор быстро закончился, потому что никто не мог доказать ничего. Эмма смотрела на воду. В детстве отец однажды возил её к большой реке. Она помнила не название, а деревянный причал и то, как боялась подойти к краю. Якоб держал её за руку.

— Не бойся.

— Там глубоко.

— Конечно.

— А если упаду?

— Не упадёшь.

— Откуда знаешь?

— Я держу.

Теперь река уходила назад, и Эмма вдруг почувствовала такую тоску, что пришлось закрыть глаза. Она подумала: если отец действительно едет другим поездом, может быть, и

он сейчас видит эту воду. Если это тот же путь. Если их составы идут рядом. Если его вообще куда-то повезли. Последнюю мысль она оттолкнула.

— Красиво, — сказала Марта.

Эмма открыла глаза.

— Да.

— Генрих любил воду.

Анна посмотрела на неё.

— Якоб нет.

— Почему?

— Плавать не умеет.

Эмма удивилась.

— Папа не умеет плавать?

— Ты не знала?

— Нет.

— Вот видишь. Столько лет живёшь с человеком и всё равно чего-нибудь не знаешь.

Анна произнесла это спокойно, но потом замолчала. Эмма тоже ничего не сказала. Теперь любой разговор об отце упирался в пустоту.

На одной из больших станций состав стоял несколько часов. Через щели было видно толпу, другие эшелоны, солдат, женщин с узлами, санитарные машины. Где-то далеко слышался гудок паровоза. Пахло углём и горячим железом. Люди в вагоне сразу оживились. Большая станция означала возможность узнать хоть что-то. Когда открыли дверь, Анна по-

дошла первой. На этот раз сопровождающим оказался пожилой железнодорожник с красной повязкой на рукаве.

— Скажите, пожалуйста.

Он устало посмотрел.

— Воды дадут. Ждите.

— Я не про воду.

— А про что?

— Мужа отделили перед отправлением.

Железнодорожник вздохнул.

— Женщина, здесь каждый второй кого-то ищет.

— Мне только узнать, куда отправляют мужчин.

— Каких мужчин?

— Немцев. С нашего эшелона.

Он посмотрел внимательнее.

— Где отделили?

Анна назвала станцию.

— Не знаю.

— Может быть, отдельным поездом?

— Может быть.

— Куда?

— Я правда не знаю.

— А где можно узнать?

Он задумался.

— На станции есть комендатура.

Анна оживилась.

— Можно туда?

— Вам нельзя выходить.

— Тогда вы спросите?

Мужчина усмехнулся без злости.

— Я вагоны принимаю, а не людей разыскиваю.

Анна опустила глаза. Железнодорожник посмотрел на неё ещё раз.

— Фамилия?

— Вайс. Якоб Генрихович.

— Год?

Она сказала. Он повторил.

— Если увижу списки, посмотрю.

Анна схватила его за рукав.

— Правда?

— Я ничего не обещаю.

— Спасибо.

— Я сказал, ничего не обещаю.

— Всё равно спасибо.

Он ушёл. Мать стояла у двери и смотрела ему вслед. Эмма подошла.

— Он не вернётся.

Анна резко повернулась.

— Почему ты так говоришь?

— Я про железнодорожника.

Мать помолчала.

— Вернётся.

Эмма не стала спорить. Через два часа человек действи-

тельно появился. Анна увидела его первой.

— Товарищ!

Он подошёл к двери.

— Вайс, говорили?

— Да.

— Якоб Генрихович?

— Да.

Мужчина покачал головой.

— В наших списках нет.

Анна побледнела.

— Каких списках?

— На ваш эшелон.

— Так я знаю, что его здесь нет.

— Тогда что вы хотели?

— Где он?

— Этого не знаю.

— А мужчины, которых отделили?

— Может быть, другим эшелоном пошли.

— Куда?

— Не знаю.

— Вы можете посмотреть другие списки?

Он устало провёл рукой по лицу.

— Женщина, здесь десятки эшелонов.

— Но фамилия одна.

— Фамилий тысячи.

Анна смотрела на него. Он смягчился.

— Если его официально перевели, где-нибудь будет запись.

— Где?

— Потом узнаете.

— Когда потом?

Он не ответил. В эту минуту кто-то позвал его с платформы. Железнодорожник отошёл. Анна осталась стоять. Марта подошла и положила руку ей на плечо.

— Главное, что он не здесь.

Анна посмотрела на неё.

— Почему главное?

— Значит, действительно в другом составе.

Это была странная логика. Но сейчас любая логика, оставлявшая Якоба живым, подходила. Анна кивнула.

— Да.

На этой же станции в вагон принесли кипяток. Не воду — именно кипяток. Его разливали в кружки и банки. Люди радовались так, будто получили праздничный обед. Анна бросила в кружку несколько сухих листьев чая, которые предусмотрительно взяла из дома. Получилась слабая тёмная вода. Запах чая изменил вагон на несколько минут. Эмма закрыла глаза и представила кухню, стол, окно, отца, обычное утро.

— Не пей сразу, — сказала мать. — Обожжёшься.

Эмма улыбнулась.

— Мам, мне семнадцать.

— Кипятку всё равно, сколько тебе.

Это было настолько похоже на прежнюю Анну, что Эмма рассмеялась. Мать тоже. Пауль поднял голову.

— Чего?

— Ничего.

— Дайте чай.

— Подожди.

— Почему ей можно?

— Потому что она старше.

— Это нечестно.

Лиза вмешалась:

— А мне?

— Тебе тоже подождать.

— Я не обожгусь.

— Все сегодня смелые.

Впервые за несколько дней они сидели почти как семья за столом, хотя стола не было. Кружка переходила из рук в руки. Один глоток. Потом следующему. Анна оставила немного на дне. Эмма увидела.

— Это зачем?

Мать молчала. Лиза сразу поняла.

— Папе?

Анна кивнула.

Пауль резко сказал:

— Мама.

Она посмотрела на него.

— Что?

— Чай остынет.

Тишина. Эмма почувствовала напряжение.

Пауль продолжил:

— Он же не придёт сейчас.

Анна медленно поставила кружку.

— И что?

— Ничего.

— Тогда молчи.

— Я просто сказал.

— Не говори.

Пауль отвернулся. Эмма поняла, что он хотел сказать совсем другое. И мать тоже поняла. Поэтому рассердилась.

Дорога продолжалась. День сменялся ночью, ночь — днём. Названия станций мелькали редко. Иногда их удавалось прочесть через окно, иногда кто-нибудь слышал снаружи и передавал дальше. Эмма начала записывать. У неё оставалась маленькая тетрадь. На первой странице ещё было написано: Педагогическое училище. 1941 год. Она долго смотрела на эти слова. Потом перевернула страницу и записала дату отправления. Ниже — название первой большой станции. Потом той, где умер Реймер. Потом реки, если удалось узнать. Получалась дорога. Очень приблизительная. Но всё-таки дорога. Пауль заметил.

— Что пишешь?

— Где едем.

— Зачем?

— Чтобы знать.

— А если неправильно?

— Тогда исправлю.

— Кто?

Эмма посмотрела на него.

— Я.

— Ты не знаешь, где мы.

— Поэтому и записываю.

Он пожал плечами.

— Бесполезно.

— Может быть.

— Тогда зачем?

Эмма задумалась.

— Чтобы дорога не исчезла.

Пауль не понял. Она и сама не была уверена, что понимает. Но продолжала писать.

На шестой день у Лизы поднялась температура. Сначала она просто стала тихой. Это заметила мать.

— Лиза.

— Что?

— Иди сюда.

Анна приложила ладонь ко лбу. Лицо изменилось сразу.

— Горячая.

Эмма тоже потрогала.

— Немного.

— Не немного.

Лиза нахмурилась.

— Я не горячая.

— Конечно.

— Я хочу пить.

Анна достала флягу. Она почти опустела. Дала несколько глотков.

— Ещё.

— Потом.

— Хочу.

— Потом, Лизхен.

— Сейчас.

— Нельзя всё сразу.

Лиза начала плакать. Анна прижала её.

— Тихо.

— Я хочу домой.

Эти слова впервые прозвучали в вагоне так прямо. Несколько человек обернулись. Лиза плакала.

— Домой хочу.

Мать гладила её по голове.

— Скоро приедем.

— Домой?

Анна замерла.

— Куда приедем.

— Я хочу домой.

— Знаю.

— И к папе.

— Знаю.

Эмма отвернулась. До сих пор они говорили о доме так, будто он остаётся конечной точкой. Вернутся потом. Через месяц. Через два. После войны. Но впервые она подумала: а если возвращения не будет вообще? Не потому, что дом разрушат. Не потому, что они не смогут найти дорогу. Просто потому, что им не позволят. Мысль была настолько страшной, что Эмма сразу запретила себе продолжать.

* * *

К вечеру Лизе стало хуже. Температура поднялась. Она то засыпала, то просыпалась и просила воду. В вагоне нашлась женщина, когда-то работавшая медсестрой. Она осмотрела девочку.

— Горло красное.

— Что делать? — спросила Анна.

— Поить.

— Воды мало.

— Всё равно поить.

— Лекарство?

Женщина покачала головой.

— Что у вас есть?

У них не было ничего. Марта достала несколько таблеток.

— Это от головы.

Медсестра посмотрела.

— Не надо.

Анна сидела рядом с Лизой и всё время гладила её по ру-

ке. Пауль отдал сестре свою порцию воды без разговоров. Эмма заметила.

— Ты сам не пил.

— Потом.

— Возьми немного.

— Я сказал потом.

Он сел в другом углу. Вечером поезд остановился. Анна сразу стала стучать.

— Ребёнок болен!

Никто не подходил. Она стучала ещё.

— Ребёнку плохо!

Наконец дверь открылась.

— Что?

— У девочки жар.

— Врач на станции есть.

— Позовите.

— Если есть, придёт.

— Что значит если?

— Ждите.

Дверь не закрыли сразу. Анна стояла у выхода. Эмма держала Лизу. Девочка была тяжёлой и горячей. Через десять минут пришёл фельдшер. Молодой мужчина с усталым лицом. Он поднялся в вагон, быстро осмотрел Лизу, послушал дыхание.

— Простуда.

— Точно?

— Пока ничего серьёзного.

— Температура высокая.

— В дороге у многих.

Он дал несколько таблеток.

— Половину сейчас, ещё половину вечером.

— А вода?

— Поить.

— У нас почти нет.

Фельдшер посмотрел на сопровождающего.

— Дайте им воды.

Тот ничего не ответил.

Фельдшер повторил:

— Ребёнку вода нужна.

— Дадим.

Анна схватила врача за руку.

— Спасибо.

Он высвободился.

— Следите, чтобы дышала нормально.

— А если хуже?

— На следующей станции зовите.

— Когда следующая?

Фельдшер посмотрел на сопровождающего. Тот пожал плечами.

— Ночью.

Врач ушёл. Через несколько минут принесли воду. Анна напоила Лизу, потом заставила выпить лекарство. Девочка

заснула. Мать сидела рядом, не шевелясь. Эмма тоже не спала. Так прошла половина ночи.

Под утро жар немного спал. Анна впервые улыбнулась.

— Видишь?

— Лучше?

— Лучше.

Эмма коснулась лба сестры. Действительно, не такой горячий. Пауль проснулся.

— Что?

— Спала температура.

Он кивнул.

— Хорошо.

Потом снова лёг. Эмма посмотрела на него и неожиданно вспомнила велосипед возле сельсовета. Казалось, это было много месяцев назад. На самом деле прошло меньше недели.

В тот день они впервые увидели за окном землю, которая была совсем не похожа на их степь. Сначала появились большие леса, потом холмы, потом снова равнина. Посёлки становились другими. Крыши. Станции. Люди на платформах. Поезд шёл всё дальше.

Кто-то сказал:

— Наверное, уже за Волгой.

Другой ответил:

— До Волги ещё.

Третий:

— Может, вчера переехали.

Никто не знал. Эмма открыла тетрадь. Поставила вопросительный знак. Подумала. Потом написала: Едем на восток. И больше ничего. Иногда это было единственное точное знание, которым они обладали.

Вечером Анна достала платок с куском хлеба, который оставляла Якобу. Хлеб стал твёрдым. Она развернула его и долго смотрела. Эмма видела, как мать колеблется. Потом Анна подозвала Пауля.

— На.

Он не взял.

— Это папино.

— Он получит другой.

— Откуда ты знаешь?

Мать посмотрела на сына.

— Ешь.

Пауль всё равно не двигался.

— Мама...

— Ешь.

Он взял хлеб, разломил на три части. Одну дал Лизе. Другую Эмме. Третью оставил себе.

— А ты?

— Не хочу.

Анна отвернулась. Эмма поняла: это был первый раз, когда они съели то, что берегли для отца. Никто не сказал об этом вслух. Но после этого что-то изменилось. Совсем немного. Якоб всё ещё ехал где-то впереди — в другом ваго-

не, в другом составе, на другой дороге. Но теперь между ним и семьёй впервые появилось настоящее расстояние. Не двадцать шагов на станции, не несколько вагонов, а неизвестность. Эмма почувствовала её особенно ясно ночью, когда снова проверила подол юбки. Fibel был на месте. Она осторожно провела пальцами по ткани. Книга стала единственной вещью в вагоне, которой когда-то касались руки отца и которая теперь находилась рядом с ней. Этого было достаточно, чтобы не распарывать шов.

Пока достаточно.

* * *

Через два дня поезд опять остановился на большой станции. На этот раз надолго. Снаружи кричали команды, хлопали двери соседних вагонов, где-то плакали дети. Людей пересчитывали. К вечеру по вагону прошёл слух. Кто-то услышал название. Потом другой подтвердил. Казахстан. Сначала это слово почти ничего не изменило. Потом люди начали повторять его.

— Казахстан?

— Точно?

— Говорят, Казахстан.

— Куда именно?

— Не знаю.

— Караганда?

— Может.

— Севернее?

— Кто знает.

Эмма знала Казахстан по школьной карте. Огромное пространство далеко на востоке. Степи. Города, названия которых она помнила плохо. Совсем другой мир.

Лиза спросила:

— Это страна?

— Республика, — сказал Пауль.

— А там говорят по-русски?

— Наверное.

— А по-немецки?

Никто не ответил. Эмма посмотрела на мать. Анна сидела неподвижно.

— Мам.

— Что?

— Ты слышала?

— Слышала.

— Казахстан.

— Да.

— Это далеко.

— Да.

— Очень?

Анна посмотрела на неё.

— Теперь уже какая разница?

Эмма не нашла ответа. Поезд снова тронулся. За окном темнело. Она достала тетрадь. Под последней записью написала: Казахстан. Подумала и поставила точку. Впервые за

всю дорогу у неизвестности появилось название.

Глава девятая

Чужая степь

Они прибыли ночью, но из вагонов их выпустили только утром. Эмма проснулась от необычной тишины и сначала не поняла, что изменилось. Поезд больше не двигался. Не было привычного стука колёс, не дрожали стены, не раскачивался слабый прямоугольник света под потолком. Люди тоже просыпались иначе — не один за другим, а почти одновременно, настороженно прислушиваясь к тому, что происходило снаружи. За дверью слышались голоса. Кто-то отдавал распоряжения. Иногда раздавался лай собак, потом стук сапог по гравии. В соседних вагонах уже двигались люди. Несколько раз хлопнули тяжёлые двери. Анна поднялась первой и стала поправлять одежду Лизы, словно собирала её не после многодневной дороги в товарном вагоне, а к воскресной службе. Волосы девочки спутались, лицо было бледным после болезни, губы пересохли. Мать смочила край платка водой и осторожно вытерла ей щёки.

— Мы приехали?

— Похоже.

— А папа?

Анна замерла всего на мгновение.

— Посмотрим.

Эмма услышала это слово и поняла: за дорогу мать изменила свой ответ. Раньше она говорила «он придёт», потом

«он едет впереди», теперь осталось только «посмотрим». Это было почти незаметное отступление, но Эмма почувствовала его сразу.

Пауль забрался к окну. Несколько секунд молчал, потом сказал:

— Здесь ничего нет.

— В каком смысле?

— Просто ничего.

Она поднялась следом. За решёткой лежала степь. Совсем не такая, как дома. Та, прежняя, была знакомой даже тогда, когда уходила далеко к горизонту. Эмма знала её цвета, запахи, дороги, балки, отдельные деревья, знала, где после дождя появляется вода и какие травы растут возле полей. Здесь пространство казалось пустым и суровым. Низкие серо-жёлтые травы, плоская земля, редкие постройки возле железной дороги и огромное небо, под которым всё человеческое выглядело случайным и маленьким.

— Это Казахстан?

— Наверное, — сказал Пауль.

— А где деревья?

— Здесь другие места.

— А дома где?

Он не ответил. Эмма слезла с чемодана. Ей вдруг стало холодно, хотя утро не было зимним. Холод исходил не от воздуха, а от самого вида за окном. До сих пор Казахстан был словом из школьного учебника, пятном на карте, назва-

нием республики. Теперь это было место, где им предстояло выйти из вагона. Щеколда отодвинулась. Дверь распахнулась. Свет хлынул внутрь так резко, что люди начали щуриться и закрывать глаза ладонями.

— Выходить! Вещи не забывать! Быстро!

Все задвигались. Анна схватила чемодан.

— Не трогай, — сказал Пауль. — Я понесу.

Она посмотрела на сына.

— Тяжёлый.

— Я понесу.

Он уже взялся за ручку. Эмма подняла связку одеял. Подол юбки натянулся, и она сразу вспомнила о букваре. Проверять было нельзя. Она только слегка прижала ткань рукой. На месте. Ключ тоже был при ней. Лиза несла Грету. Когда подошла их очередь, Пауль спрыгнул первым. Потом помогли Анне. Эмма передала кому-то одеяла и спустилась сама. После тёмного вагона открытое пространство ослепляло. Первое, что она почувствовала, — ветер. Сухой, резкий, непривычно холодный. Он сразу подхватил волосы, полез под кофту, заставил Лизу прижаться к матери.

— Я замёрзла.

— Поэтому я говорила кофту не снимать, — сказала Анна.

Даже теперь. Эмма чуть не улыбнулась. Людей выстраивали вдоль состава. Старики стояли отдельно, семьи старались держаться вместе. Некоторые плакали. Другие просто

смотрели вокруг с тем выражением, которое Эмма уже видела в последние дни дороги: человек ещё видит, но пока не может поверить, что увиденное действительно относится к его жизни. Анна всё время оглядывалась на вагоны. Эмма знала, кого она ищет.

— Мам.

— Что?

— Здесь много составов.

— Я вижу.

— Может быть, его привезли другим.

— Может быть.

Мать не переставала смотреть. На соседнем пути действительно стоял ещё один эшелон. Оттуда тоже выводили людей. В основном женщины, дети, старики. Мужчин было мало. Анна несколько раз делала шаг вперёд, всматривалась, потом возвращалась.

— Якоб!

Несколько человек обернулись.

— Якоб!

Эмма тоже посмотрела. Никто не подошёл.

Сопровождающий сказал:

— Не кричать! Все по спискам!

Анна не обратила внимания.

— Якоб Вайс!

Человек подошёл ближе.

— Женщина, кого ищете?

— Мужа. Его отделили перед отправлением.

— Здесь его нет.

Анна побледнела.

— Откуда вы знаете?

— Мужчины отдельно шли.

— Куда?

— Не знаю.

— Вы все ничего не знаете!

Сопровождающий нахмурился. Эмма быстро взяла мать за руку.

— Мам.

— Пусти.

— Не надо.

Анна посмотрела на неё так, будто только теперь заметила рядом.

— Они должны знать.

— Может, не он.

— Кто тогда?

Эмма не ответила. Человек со списком уже вызывал следующую фамилию. Проверка длилась несколько часов. Семьи записывали заново: фамилия, имя, год рождения, количество детей, профессия, место прежнего жительства. Эмме казалось, что за последние месяцы они сообщили эти сведения десятки раз, но каждый новый человек снова спрашивал то же самое, будто прежние ответы исчезали. Когда подошла очередь Вайсов, Анна встала перед столом.

— Вайс Анна Фридриховна.

Чиновник отметил.

— Глава семьи?

Она молчала.

— Муж?

— Вайс Якоб Генрихович.

— Где?

Анна смотрела на него.

— Это я у вас хочу спросить.

Он поднял глаза.

— В каком смысле?

— Его отделили на станции перед отправлением. Сказали, что посадят потом.

— Не посадили?

— Если бы посадили, я бы не спрашивала.

Чиновник недовольно постучал карандашом по бумаге.

— Где отделили?

Она назвала. Он перелистнул несколько страниц.

— Здесь нет.

— Я вижу.

— Возможно, направлен отдельно.

— Куда?

— У меня нет сведений.

— А кто имеет?

— Обращайтесь в комендатуру по месту поселения.

— Где это?

— Сначала вас распределят.

Анна наклонилась ближе.

— Мне надо знать, жив ли мой муж.

Чиновник посмотрел на очередь за её спиной.

— Следующий.

Анна не двигалась.

— Я задала вопрос.

— А я сказал: сведений нет.

— Тогда запишите, что он потерян.

Человек нахмурился.

— Как это потерян?

— Так. Он был с нами. Его забрали. Теперь его нет. Запишите.

Эмма смотрела на мать. В её голосе не было истерики. Именно это делало его страшным. Чиновник помолчал. Потом написал что-то сбоку.

— Направлен отдельно. Этого достаточно.

— Нет.

— Для документа достаточно.

— А для меня нет.

— Женщина, не задерживайте очередь.

Она отступила. Эмма увидела запись: Глава семьи отсутствует. Не потерян. Не арестован. Не переведён. Просто отсутствует. Одно слово вместо человека. После регистрации семьи начали распределять по группам. К ним подошёл мужчина лет пятидесяти в потёртом ватнике. Он говорил с за-

метным акцентом, но по-русски понятно.

— Вайс?

Анна повернулась.

— Да.

— Четыре человека?

— Пять.

Мужчина посмотрел в бумагу.

— Здесь четыре.

— Нас пять.

— Я вижу четверых.

— Мужа забрали отдельно.

Он пожал плечами.

— Тогда сейчас четыре.

Анна сжала губы. Эмма почувствовала, что мать вот-вот скажет что-то резкое, и сама вмешалась.

— Куда нас?

Мужчина посмотрел на неё.

— В совхоз.

— Далеко?

— Километров сорок.

— На поезде?

— Нет.

Он показал на несколько грузовых машин.

— Если места хватит. Остальные на подводах.

Лиза тихо спросила:

— А там дом есть?

Мужчина услышал. Посмотрел на девочку.

— Какой-нибудь найдётся.

Ответ не понравился никому. Ждать пришлось ещё долго. Люди сидели прямо на земле, прислонившись к вещам. Кто-то пытался разжечь маленький огонь, но его сразу погасили. Раздали немного хлеба. Воду наливали из большой бочки. Эмма увидела вокруг не только немцев. На станции было много местных жителей: казахи, русские, несколько женщин в тёмных платках, дети. Они стояли на расстоянии и смотрели на прибывших. Кто-то с любопытством, кто-то настороженно, кто-то без всякого выражения. Среди них была пожилая казашка. Невысокая, сухая, в тёмном платке. Она держала за руку мальчика лет десяти. Мальчик смотрел на Лизу. Лиза тоже на него смотрела. Потом подняла Грету. Мальчик улыбнулся. Лиза улыбнулась в ответ. Женщина сказала что-то внуку. Он убежал.

— Куда он? — спросила Лиза.

— Не знаю, — ответила Эмма.

Через несколько минут мальчик вернулся с небольшой лепёшкой. Протянул Лизе. Она посмотрела на мать. Анна растерялась. Казашка что-то сказала. Эмма не поняла. Мальчик снова протянул хлеб.

— Возьми, — тихо сказала мать.

Лиза взяла.

— Спасибо.

Мальчик не понял.

Эмма тоже сказала:

— Спасибо.

Он улыбнулся.

Пожилая женщина коснулась груди рукой и произнесла:

— Айжан.

Эмма сначала подумала, что это слово. Потом поняла — имя. Она показала на себя.

— Эмма.

Потом на мать.

— Анна.

На Лизу.

— Лиза.

Пауль сам сказал:

— Пауль.

Айжан повторила имена по одному. Особенно трудно дался Пауль. Получилось что-то вроде «Баул». Мальчик засмеялся. Пауль тоже. Это был первый смех, который Эмма услышала после прибытия. Анна разломила лепёшку на четыре части.

Лиза возмутилась:

— Это мне дали.

— Всем.

— Но он мне дал.

— Значит, ты делишься.

Девочка посмотрела на мальчика. Тот уже отошёл. Она вздохнула.

— Хорошо.

Эмма взяла маленький кусок. Хлеб оказался плотным, суховатым, с непривычным вкусом. Она ела медленно. Анна вдруг посмотрела на оставшуюся четвертинку. Все поняли. Пятая часть. Она не отломила её. Постояла. Потом разломилла кусок Лизы пополам и один маленький кусочек завернула в платок. Эмма ничего не сказала. Место для отца снова появилось.

К вечеру их посадили в кузов грузовика. Людей набилось много. Вещи сложили в середине. Дети сидели на узлах, взрослые — вдоль бортов. Машина тронулась. Станция осталась позади. Дорога была плохой. Грузовик подпрыгивал на каждой яме. Пыль поднималась облаком и оседала на одежде, волосах, губах. Эмма смотрела через борт. Степь тянулась бесконечно. Иногда вдали появлялись стада, редкие постройки, низкие холмы. Небо здесь казалось ещё больше, чем дома. Это раздражало. Эмма сама не могла объяснить почему. Наверное, потому что в огромном пространстве человек чувствовал себя слишком заметным и одновременно совершенно незначительным. Пауль тоже смотрел.

— Похоже на нашу степь.

— Нет, — сказала Эмма.

— Почему?

— Другая.

— Степь как степь.

— Нет.

Он пожал плечами.

— Потому что тебе здесь не нравится.

Эмма хотела возразить. Потом поняла: он прав.

— Может быть.

Лиза лежала на коленях матери и снова задремала. Анна поддерживала её одной рукой, другой держалась за борт.

— Мам.

— Что?

— Айжан была местная?

— Наверное.

— Она немцев раньше видела?

— Откуда мне знать?

— Просто так хлеб дала.

Анна посмотрела на дочь.

— А зачем обязательно знать человека, чтобы дать ребёнку хлеб?

Эмма замолчала. Этот вопрос показался очень простым. И почему-то важным. До совхоза добрались уже в сумерках. Сначала показались длинные низкие постройки, потом несколько домов, сараи, силосная башня, ограда. Возле одной стены стояли люди и ждали машины. Когда грузовик остановился, Эмма почувствовала запах дыма, навоза и чего-то ещё, похожего на сухую траву.

— Приехали! Выходить!

Люди начали спускаться. Лиза проснулась.

— Это Казахстан?

Пауль усмехнулся.

— Мы уже давно в Казахстане.

— А это что?

Он посмотрел вокруг.

— Наверное, наш дом.

Анна резко сказала:

— Не говори так.

Пауль замолчал. Эмма поняла, почему мать рассердилась. Домом это место называть было нельзя. Пока нельзя. Их распределяли по помещениям. Несколько семей отправили в общежитие для сезонных рабочих. Других — в старый барак. Вайсов вместе с Мартой Шульц и ещё одной семьёй привели к длинному глинобитному дому на краю совхоза. У двери стоял мужчина.

— Здесь будете.

Анна заглянула внутрь. Одна большая комната. Печь. Несколько деревянных нар. Маленькое окно. Пол земляной.

— Сколько семей?

— Три.

— Здесь?

— Здесь.

— А зимой?

Мужчина посмотрел на неё.

— До зимы разберёмся.

Эмма почти улыбнулась. Опять «потом». Опять «разберёмся». Анна вошла первой. Поставила вещи. Лиза села на

нижнюю нару.

— А кровати?

— Вот кровать.

— Это доски.

— Теперь это кровать.

Пауль положил чемодан возле стены.

— Где вода?

Мужчина показал рукой.

— Колодец за сараем.

— Далеко?

— Метров двести.

— Туалет?

Он снова показал.

— Там.

Анна посмотрела на Эмму. Обе поняли. Новая жизнь началась. Не торжественно. Не с распоряжения. Не с объявления. Просто с указания, где колодец и куда ходить в туалет. Когда стемнело, семьи начали устраиваться. Каждому достался небольшой участок стены. Анна разложила одеяло на досках. Марту с детьми устроили рядом. Третья семья заняла противоположный угол. Эмма сняла кофту. Впервые за весь день ей удалось остаться почти незамеченной. Она осторожно проверила подол. Fibel был цел. Шов не разошёлся. Она почувствовала такое облегчение, будто убедилась, что жив человек. Потом достала ключ от дома. Металл был тёплый от тела. Эмма села возле маленького окна. За ним бы-

ло темно. Никаких знакомых деревьев. Никакой школьной крыши. Никакой дороги к их дому. Только степь. Она положила ключ на ладонь. Впервые он показался ей бессмысленным.

Что он открывал здесь? Ничего. Даже их прежняя дверь находилась за тысячами километров. Может быть, в доме уже жил кто-то другой. Может быть, дверь сломали. Может быть, замок заменили. Тогда этот ключ вообще перестал быть ключом. Стал просто куском железа. Эмма хотела убрать его, но не убрала.

— Не потеряй.

Она вздрогнула. Рядом стояла мать.

— Что?

Анна кивнула на ладонь.

— Ключ.

Эмма посмотрела на неё.

— А зачем он теперь?

Мать села рядом.

— Не знаю.

— Папа сказал брать.

— Значит, храни.

— Если мы никогда не вернёмся?

Анна долго молчала. Эмма уже пожалела, что спросила.

Потом мать сказала:

— Тогда останется доказательство, что нам было куда возвращаться.

Эмма сжала ключ. Это было почти то же, что она думала о букваре. Вещи становились доказательствами. Не собственности. Не права. Не надежды даже. Просто того, что до всего этого существовала другая жизнь. Ночью долго не могли уснуть. Нары были жёсткими. От стены тянуло сыростью. Кто-то кашлял. Ребёнок третьей семьи плакал. В печи не горел огонь, и воздух быстро становился холодным. Лиза лежала между матерью и Эммой.

— Мам.

— Спи.

— Я не могу.

— Почему?

— Не дома.

Анна погладила её.

— Закрой глаза.

— Тогда будет дома?

Мать не ответила. Лиза повернулась к Эмме.

— А папа знает, где мы?

Эмма почувствовала, как рядом напряглась мать.

— Узнает.

— Как?

— Мы ему напишем.

— Куда?

Эмма молчала.

— Эмма?

— Сначала узнаем адрес.

— А потом?

— Потом напишем.

— И он приедет?

Ответить было трудно. Но молчать было ещё хуже.

— Да.

Лиза успокоилась. Через несколько минут уснула.

Анна тихо сказала:

— Не обещай.

Эмма повернулась.

— Ты сама обещала.

— Я мать.

— А я сестра.

— Это не одно и то же.

— Для неё почти одно.

Анна долго молчала.

Потом шепнула:

— Я просто не хочу, чтобы она ждала каждый день.

Эмма посмотрела в темноту.

— А ты?

Мать не ответила. Эмма поняла: ждать каждый день Анна как раз собиралась. Утром их разбудил чужой голос. В дверях стоял мужчина в ватнике.

— Вставать. В восемь регистрация у конторы.

Анна сразу поднялась.

— Какая регистрация?

— Спецпереселенцев.

Слово прозвучало впервые. Эмма приподнялась.

— Кого?

Мужчина посмотрел на неё.

— Вас.

— Мы эвакуированные.

Он усмехнулся.

— В конторе разберётесь.

И ушёл. В комнате стало тихо. Анна медленно села.

— Что он сказал?

Пауль ответил первым:

— Спецпереселенцы.

Лиза не поняла.

— Это кто?

Никто не ответил. Эмма почувствовала странную ясность.

Всю дорогу им говорили об эвакуации, о временном переселении, о необходимости уехать от фронта. Теперь появилось другое слово. Оно меняло всё.

— Мам.

Анна посмотрела на неё.

— Нас не эвакуировали.

Мать молчала.

Марта Шульц, лежавшая у соседней стены, тихо сказала:

— Я давно поняла.

Анна повернулась.

— Почему не сказала?

— А что изменилось бы?

Никто не нашёл ответа. Эмма встала и подошла к окну. Снаружи поднималось солнце. Степь постепенно становилась золотистой. Возле сарая шла женщина с ведром. Где-то мычала корова. Двое детей бежали по дороге. Обычное утро. Совсем как когда-то дома. Только дома больше не было рядом. И прежней Эммы тоже почти не было. Та девочка знала, куда поедет осенью. Знала, кем станет. Знала, где её кровать. Знала, что вечером отец вернётся из мастерской. Теперь у неё оставались только несколько вещей, которые она не должна была потерять: мать, брат, сестра, ключ, тетрадь, спрятанный немецкий букварь и имя отца, которое нужно было повторять снова и снова, пока кто-нибудь наконец не ответит, где он.

Эмма взяла тетрадь. Открыла страницу, где было написано: Казахстан. Ниже добавила: Совхоз. Название узнать. Подумала ещё немного и написала: Якоб Вайс — искать. На этот раз точку ставить не стала.

Глава десятая

Комендатура

К восьми утра возле конторы уже стояла очередь. Люди подходили семьями, несли документы, прижимали к себе детей, держали под мышкой свёртки с бумагами. Многие ещё не успели оправиться после дороги: одежда была мятая и запylённая, лица серые от усталости, глаза воспалённые от бессонных ночей в вагоне. Над дверью конторы висела небольшая выцветшая табличка, но Эмма не успела про-

читать её — стоявшие впереди задвигались, пропуская какого-то мужчину в гимнастёрке. Он прошёл внутрь, не глядя на очередь, и дверь снова закрылась. Анна стояла первой из Вайсов. За ней Эмма, потом Пауль с Лизой. Марта Шульц устроилась немного дальше. Она по-прежнему держала при себе деревянную шкатулку с фотографиями, хотя теперь спрятала её в мешок и всё время проверяла рукой, на месте ли она.

Лиза быстро устала стоять.

— Мам, долго ещё?

— Не знаю.

— Я есть хочу.

— Потерпи.

— А когда дадут завтрак?

Анна посмотрела на контору.

— Не знаю.

Лиза нахмурилась.

— Здесь никто ничего не знает.

Пауль усмехнулся.

— Наконец-то поняла.

Анна бросила на него предупреждающий взгляд.

— Не начинай.

Пауль замолчал. Эмма смотрела на дверь. Слово «спецпереселенцы», услышанное утром, не выходило из головы. Оно казалось чужим и каким-то канцелярским, но именно поэтому пугало сильнее обычной ругани. Человека можно

было назвать беженцем, эвакуированным, переселенцем, заключённым. Каждое слово определяло, что с ним можно делать. Вчера им говорили, что их перевозят в безопасное место. Сегодня выяснялось, что они уже принадлежат к какой-то особой категории, о существовании которой Эмма раньше почти ничего не знала. Очередь двигалась медленно. Из конторы выходили люди с одинаково растерянными лицами. Кто-то сразу начинал объяснять родственникам услышанное, кто-то молчал. Одна женщина плакала и повторяла, что у неё в соседнем районе живёт сестра, но ей сказали, что ехать туда нельзя.

Эмма прислушалась.

— Совсем нельзя? — спросил кто-то.

— Без разрешения коменданта нельзя.

— А если родственники?

— Всё равно.

— А в район?

— Тоже спрашивать.

— Это что же, как тюрьма?

Женщина сразу оглянулась.

— Тише ты.

Слово осталось висеть над очередью. Анна сделала вид, что не слышала. Но Эмма увидела, как мать крепче сжала папку с документами. Через полтора часа назвали их фамилию.

— Вайс!

Анна шагнула вперёд.

— Здесь.

— Заходите.

Внутри пахло табаком, бумагой и давно не мытым полом. За двумя столами сидели мужчины. Один был тот самый, который утром говорил о регистрации. Второй — старше, с коротко стриженными седыми волосами. Возле окна стоял ещё один человек в форме и просматривал какие-то бумаги.

— Фамилия?

— Вайс.

— Имя, отчество?

— Анна Фридриховна.

— Год рождения?

Она ответила. Чиновник записал.

— Муж?

— Вайс Якоб Генрихович.

— Где находится?

Анна сделала вдох.

— Не знаю. Его отделили от семьи перед отправлением.

Мужчина поднял глаза.

— Арестован?

— Мне никто не сказал, что арестован.

— Тогда куда направлен?

— Я у вас хочу это узнать.

Чиновник помолчал.

— У нас таких сведений нет.

— Где есть?

— Возможно, в областной комендатуре.

— Как туда обратиться?

— Потом.

Анна наклонилась к столу.

— Мне уже несколько раз говорят «потом». Я хочу знать, где мой муж.

Мужчина раздражённо положил карандаш.

— Гражданка Вайс, у нас сейчас регистрация нескольких сотен человек. По каждому пропавшему отдельно заниматься никто не будет.

— Он не пропавший. Его забрали ваши люди.

Человек в форме возле окна поднял голову.

— Кто именно?

Анна повернулась к нему.

— Не знаю фамилии.

— Тогда не говорите «ваши люди».

— А чьи?

В комнате стало тихо. Эмма почувствовала, как Пауль рядом напрягся.

Человек в форме несколько секунд смотрел на Анну, потом сказал:

— Продолжайте регистрацию.

Чиновник снова взял карандаш.

— Дети.

Анна перечислила.

— Вайс Эмма Яковлевна, семнадцать лет.

Мужчина посмотрел на Эмму.

— Образование?

— Десять классов.

— Работала?

— Нет.

— Специальность?

— Хотела поступать в педагогическое училище.

Он уже собирался написать что-то в бланке.

Эмма добавила:

— Учителем.

Мужчина поднял глаза.

— Хотела или поступила?

— Хотела.

— Значит, специальности нет.

— Но я могу работать с детьми.

— Решать не вам.

Он написал. Эмма попыталась увидеть. Без специальности. Второй раз за несколько недель кто-то определил её несколькими словами на бумаге. Сначала «иждивенка». Теперь «без специальности». Она вспомнила школьное свидетельство и почувствовала почти физическое желание достать его и положить на стол. Показать оценки. Сказать, что она не пустое место между двумя строками анкеты. Но промолчала.

— Вайс Пауль Яковлевич?

— Да, — ответил Пауль.

— Двенадцать лет?

— Да.

— Учился?

— Шесть классов.

— Будешь продолжать.

Пауль посмотрел на него.

— Где?

— В школе.

— Здесь есть школа?

— Есть.

Впервые за всё время в его голосе появилась заинтересованность.

— Русская?

— А какая тебе нужна?

Пауль пожал плечами.

— Нормальная.

Эмма едва заметно улыбнулась. Чиновник не заметил.

— Вайс Елизавета Яковлевна, семь лет?

Анна кивнула.

— Болела в дороге.

— Сейчас состояние?

— Лучше.

— Врач смотрел?

— На станции.

— Хорошо.

Он перелистнул бланк.

— Теперь слушайте. Вы зарегистрированы как спецпереселенцы. Самовольно покидать место поселения запрещается. Для поездки в район или другой населённый пункт требуется разрешение комендатуры. О перемене места проживания сообщать. На учёт являться по вызову. Трудоспособные обязаны работать там, куда будут направлены.

Анна смотрела на него.

— А если мы хотим уехать к родственникам?

— Нельзя.

— Почему?

— Такой порядок.

— На какой срок?

Мужчина замолчал.

— На какой срок? — повторила она.

— До особого распоряжения.

— Это сколько?

— Я не знаю.

Снова. Анна коротко усмехнулась. Без веселья.

— Вот это я уже слышала.

Чиновник сделал вид, что не понял.

— Распишитесь.

Он протянул ей бумагу. Анна прочитала.

— Здесь написано, что я ознакомлена.

— Да.

— А если я не согласна?

Мужчина посмотрел на неё почти с удивлением.

— С чем?

— С тем, что мне нельзя уехать.

— Это не вопрос согласия.

Анна ещё несколько секунд смотрела на бумагу, потом взяла ручку и расписалась. Эмма видела, как мать выводит фамилию. Медленно. Буква за буквой. Вайс. Слово, из-за которого их привезли сюда, теперь нужно было собственноручно подтвердить внизу документа. Когда очередь дошла до Эммы, ей тоже дали расписаться. Она написала имя аккуратно. Так, как учила Мария Ивановна. Почти красивой учительской рукой.

После регистрации им выдали небольшие карточки. Анна долго рассматривала свою, потом спрятала к остальным документам. На улице Марта сразу подошла.

— Что сказали?

— То же, что всем.

— Уезжать нельзя?

— Нельзя.

— Насовсем?

— «До особого распоряжения».

Марта кивнула.

— Мне тоже.

Несколько секунд женщины молчали.

Потом Марта спросила:

— Про Якоба?

Анна покачала головой.

— Ничего.

— Может, в областной комендатуре знают.

— Сказали, может быть.

— Напишешь?

— Сегодня же.

Эмма посмотрела на мать.

— Куда?

— Куда угодно.

— Но адреса нет.

— Узнаем.

— Мам...

Анна повернулась.

— Что?

Эмма хотела сказать, что письмо без адреса не отправишь, что даже если найдётся комендатура, никто не обязан отвечать, что у них нет никаких сведений об отце. Вместо этого спросила:

— Тебе помочь?

Мать немного смягчилась.

— Поможешь.

Они пошли обратно к барaku. Теперь дорога уже была знакомой: контора, склад, сарай, небольшой колодец, длинная изгородь, за которой паслись несколько коров. Эмма неожиданно поймала себя на том, что запоминает ориентиры. Значит, даже чужое место начинало складываться в карту. Это ей не понравилось. Ей казалось, что, запоминая дорогу к ба-

раку, она как будто соглашается здесь жить.

После полудня пришёл бригадир. Его звали Сергей Матвеевич. Невысокий, плотный мужчина лет сорока, с обветренным лицом и тяжёлыми руками. Он остановился в дверях барака и попросил всех взрослых выйти. Люди собрались во дворе.

— Работать кто может?

Почти никто не ответил.

— Я спрашиваю не кто хочет. Кто может?

Несколько мужчин подняли руки. Потом женщины. Анна тоже. Эмма вслед за ней. Сергей Матвеевич посмотрел.

— Сколько лет?

— Семнадцать.

— Тебе?

— Да.

— Работала раньше?

— Нет.

— В поле можешь?

— Могу.

Анна вмешалась:

— Она школу закончила.

Бригадир посмотрел на неё.

— И что?

— Хотела учиться.

— Здесь всем много чего хотелось.

Он сказал без насмешки, просто констатировал факт. Эм-

ма почувствовала обиду.

— Я могу писать, считать, документы вести.

— Это хорошо.

— Может, в конторе нужна помощь?

Сергей Матвеевич посмотрел внимательнее.

— Считать хорошо умеешь?

— Да.

— Счёты?

— Немного.

— Накладные?

— Не работала.

— Тогда не умеешь.

— Научусь.

Он неожиданно улыбнулся.

— Быстрая.

— А что плохого?

— Ничего.

Он сделал отметку в блокноте.

— Пока пойдёшь на ток.

Эмма не знала, что это значит.

— Куда?

— Зерно принимать. Мешки считать. Если не путаешь цифры, согласишься.

Мать спросила:

— А я?

— На ферму.

— Я с детьми.

— Маленькая одна?

— Семь лет.

— Есть женщина, которая за детьми смотрит.

Анна сразу напряглась.

— Какая женщина?

— Нормальная женщина.

— Я Лизу не оставляю.

Сергей Матвеевич устало вздохнул.

— Тогда кто работать будет?

— Я буду. Но ребёнка...

— Здесь у всех дети.

— Она болела.

— Если больная, завтра покажете фельдшеру. Если здоровая — в детскую комнату.

Лиза, стоявшая рядом, вцепилась в материнскую юбку.

— Я не пойду.

— Тебя никто не спрашивает, — сказал Пауль.

Анна резко посмотрела на него.

— Не лезь.

Бригадир продолжил:

— Мальчик в школу.

Пауль удивился.

— Уже?

— Через несколько дней. Пока поможешь на дворе.

— Я могу работать.

— Ты учиться будешь.

— А Эмма работает.

— Эмме семнадцать.

— Мне двенадцать.

— Я умею считать.

Бригадир рассмеялся.

— Вижу, семья грамотная.

Пауль нахмурился.

— Я не маленький.

— Вот и докажешь в школе.

Это явно не удовлетворило его.

Когда Сергей Матвеевич ушёл, Анна сказала:

— На ферму так на ферму.

Эмма посмотрела на неё.

— Ты же коров никогда не доила.

— Научусь.

— Ты их боишься.

— Не боюсь.

— Боишься.

— Теперь уже поздно бояться коров.

Марта засмеялась. Анна тоже. Смех был коротким, но настоящим.

После обеда Эмма пошла искать почту. Ей сказали, что почтовое отделение находится при конторе, в маленькой комнате с отдельным окном. За столом сидела молодая женщина в синем платье. Она перебирала пачку писем и сначала

даже не подняла головы.

— Мне нужно отправить письмо.

— Марка есть?

— Нет.

— Купите.

— А адрес...

Женщина посмотрела на неё.

— Без адреса письмо не отправляют.

— Я знаю.

— Тогда что?

— Мне нужно узнать, куда писать, если человек потерялся при переселении.

Почтальонша перестала сортировать письма.

— Кто?

— Отец.

— Военный?

— Нет.

— Где потерялся?

— Его отделили от семьи перед отправлением.

Женщина некоторое время смотрела на Эмму.

— Немец?

Эмма почувствовала, как напряглась.

— Да.

— Тогда в комендатуру.

— Какую?

— Районную сначала.

— Адрес дадите?

— Дам.

Эмма почувствовала облегчение.

— А потом областную?

— Если районная не ответит.

— А ещё куда можно?

Почтальонша задумалась.

— Если забрали органы, можно запрос писать.

— Куда?

— Это уже не ко мне.

— А как узнать?

— В комендатуре спросите.

Эмма кивнула.

— Спасибо.

Женщина записала адрес на клочке бумаги.

Потом спросила:

— Писать умеешь?

Эмма даже обиделась.

— Я десять классов окончила.

Почтальонша улыбнулась.

— Тогда сама напишешь.

— Конечно.

— Только коротко. Здесь длинные письма любят меньше.

Эмма не поняла, шутит она или говорит серьёзно.

— Почему?

Женщина снова занялась письмами.

— Потому что длинное читать дольше.

Вечером Эмма и мать сели писать запрос. Бумаги было мало, поэтому сначала составили текст в тетради. Анна диктовала.

— Пиши: «Прошу сообщить местонахождение моего мужа...»

Эмма написала.

— Дальше?

— «Вайса Якоба Генриховича, такого-то года рождения».

— Год я помню.

— Пиши.

Она написала.

— «Который был отделён от семьи...»

Анна остановилась.

— Как написать?

— «Во время отправки».

— Нет. Напиши «насильственно отделён».

Эмма подняла голову.

— Мам.

— Что?

— Может, не надо.

— Почему?

— Чтобы ответили.

Анна сжала губы.

— Хорошо.

Эмма продолжила.

— «Был отделён от семьи на станции перед отправлением в Казахскую ССР. С тех пор сведений о нём не имеем».

Мать кивнула.

— Пиши ещё: «На иждивении трое детей».

— Я уже не иждивенка.

— Здесь не про тебя.

— Всё равно.

Анна устало посмотрела.

— Эмма.

— Хорошо.

Она написала. Потом прочитала весь текст вслух.

— Нормально?

— Добавь, что он механик.

— Зачем?

— Не знаю. Может, где-то записан по профессии.

Эмма добавила.

— И что советский гражданин.

— Все здесь советские граждане.

— Пиши.

Она написала. Получилось официально, сухо и страшно. Как будто жизнь отца можно было собрать из нескольких сведений: имя, год рождения, профессия, место исчезновения. Анна прочитала.

— Этого хватит?

— Не знаю.

Мать усмехнулась.

— Ты тоже начинаешь.

Эмма улыбнулась.

— От тебя научилась.

— Тогда пиши ещё одно.

— Куда?

— В область.

— Адреса нет.

— Завтра узнаем.

— А третье?

— Куда-нибудь ещё.

— Мам.

— Пока у меня есть бумага, я буду писать.

Эмма посмотрела на неё и поняла, что письма станут для матери тем же, чем для неё самой была тетрадь с названиями станций. Способом не дать человеку исчезнуть окончательно.

* * *

На следующий день Эмма впервые вышла на работу. Ток находился за складами. Огромная утрамбованная площадка была покрыта пылью и зерновой шелухой. Люди носили мешки, работала веялка, шумел двигатель. Зерно лежало большими кучами под брезентом. Ей дали карандаш, несколько листов и поставили возле весов.

— Считать умеешь? — спросил пожилой кладовщик.

— Умею.

— Все так говорят.

— Проверьте.

Он посмотрел на неё.

— Имя?

— Эмма.

— Немка?

Вопрос прозвучал буднично.

— Да.

— По-русски пишешь хорошо?

— Хорошо.

— Тогда записывай. Номер бригады, количество мешков, вес.

Он показал. Работа оказалась простой, но требовала внимания. Эмма быстро поняла порядок. Первые записи делала медленно. Потом быстрее. К полудню кладовщик подошёл.

— Не путаешь?

— Нет.

Он проверил.

— Вроде нет.

Эмма почувствовала неожиданную гордость.

— Я говорила.

— Много говоришь.

— Если правильно говорю, что плохого?

Старик посмотрел на неё и усмехнулся.

— Учительницей, что ли, была?

— Хотела быть.

— А сейчас?

Эмма посмотрела на зерно, мешки, пыль на руках.

— Сейчас считаю.

— Вот и считай.

Он ушёл. Эмма продолжила записывать. В какой-то момент ей вспомнилась школьная доска. Мария Ивановна. Кусочек мела. Она машинально коснулась кармана. Мел всё ещё лежал там. Это показалось нелепым. На работе у неё был настоящий карандаш. На складе — бумага. Зачем таскать кусок мела? Но она не выбросила.

Днём к току пришли несколько казахских женщин. Они работали неподалёку. Одна показалась знакомой. Эмма приоткрылась. Айжан. Та самая женщина со станции. Рядом шёл мальчик, давший Лизе лепёшку. Эмма удивлённо подошла.

— Айжан?

Женщина узнала её. Лицо сразу оживилось.

— Эмма.

Получилось почти правильно. Мальчик улыбнулся.

— Баул?

Эмма рассмеялась.

— Пауль.

Он повторил:

— Пауль.

На этот раз лучше. Эмма показала в сторону барака.

— Там.

Айжан что-то спросила. Эмма не поняла. Тогда женщина

показала руками маленький рост.

— Лиза?

— Лиза. Да. Хорошо.

Она показала, что девочка здорова. Айжан кивнула.

Потом сказала несколько слов по-русски, медленно:

— Вы... там жить?

— Да.

— Долго?

Эмма пожала плечами.

— Не знаем.

Айжан понимающе кивнула. Слово «не знаем», кажется, было понятно на любом языке. Женщина показала куда-то за совхоз.

— Мой дом.

Эмма посмотрела.

— Далеко?

— Нет.

Айжан улыбнулась.

— Приходить.

Эмма сразу вспомнила утреннюю регистрацию. Самовольно покидать место поселения запрещено.

— Можно?

Айжан не поняла. Эмма попыталась объяснить жестами, потом бросила.

— Потом.

Айжан засмеялась.

— Потом.

Они обе повторили это слово, и впервые оно прозвучало не страшно.

Вечером Анна вернулась с фермы совершенно измученная. От одежды пахло молоком и коровами. Руки покраснели.

Эмма увидела и спросила:

— Ну?

Мать поставила ведро.

— Ничего.

— Научилась?

— Чему?

— Доить.

Анна посмотрела на неё.

— Одна корова меня ненавидит.

Пауль оживился.

— Почему?

— Потому что я её тоже.

Лиза засмеялась.

— Она тебя бодала?

— Пока нет.

— А завтра?

— Спасибо, Лиза.

Эмма улыбнулась.

— Значит, всё хорошо.

Анна посмотрела на свои руки.

— Хорошо — это громко сказано.

Потом спросила:

— Письмо отправила?

— Да.

Мать сразу стала серьёзной.

— Точно?

— Своими глазами видела.

— Марку наклеили?

— Мам.

— Что?

— Отправила.

Анна села.

— Тогда будем ждать.

Эмма не ответила. Слово снова вернулось. Ждать. Теперь оно определяло почти всё. Ждать ответа о Якобе. Ждать разрешения. Ждать зарплаты. Ждать, когда станет понятно, где они будут жить зимой. Ждать новостей с фронта. Ждать возможности вернуться. Но впервые у Эммы появилось дело, которое не было ожиданием. Работа. Она достала из кармана карандаш, выданный кладовщиком, и положила рядом с тетрадью.

— Мне сегодня платили?

— За первый день? — спросила мать.

— Нет.

— Тогда чего спрашиваешь?

— Просто интересно.

— Сначала заработай.

— Я заработала.

— Один день.

— День тоже работа.

Анна улыбнулась.

— Ладно.

Эмма открыла тетрадь. На странице стояло: Якоб Вайс — искать. Ниже она написала: Первый запрос отправлен. Потом добавила дату. Подумала и ещё одну строку: Первый день работы на току. Она посмотрела на записи. Две линии жизни шли рядом. Отец, которого нужно найти. И жизнь, которую нужно продолжать до тех пор, пока его ищут.

Поздно вечером, когда все уснули, Эмма осторожно достала юбку с зашитым букварём. Теперь прятать его в подоле становилось неудобно. Одежду нужно было стирать, носить на работу, сушить на общей верёвке. Рано или поздно кто-нибудь заметит плотный прямоугольник внутри ткани. Она села возле печи и стала думать. Сжечь? Нет. Эта мысль уже почти не приходила. Спрятать в бараке? Здесь жили три семьи. Любой мог случайно найти. Закопать? Сырость испортит. Эмма осмотрела печь. Между стеной и кирпичами была узкая щель. Туда книга могла поместиться, но если затопят сильно, бумага отсыреет или обгорит. Она взяла чемодан. На дне лежали книги и одежда. Слишком очевидно. Потом заметила, что одна внутренняя рейка чемодана немного отходит. Эмма осторожно поддела её ножом. За деревом оказа-

лось небольшое пространство между стенкой и подкладкой.

Она улыбнулась. Подошло. Эмма распоролa подол, вынула Fibel. Впервые после дороги книга снова оказалась у неё в руках. Переплёт немного погнулся. Один угол отсырел. Но книга была цела. Эмма открыла.

Für Emma. Die Wörter bleiben, wenn vieles andere vergeht.

Отцовский почерк. Она долго смотрела на него. Потом услышала движение. Быстро закрыла книгу. Рядом стоял Пауль. Эмма замерла. Он смотрел на её руки.

— Что это?

— Ничего.

— Я вижу.

— Иди спать.

— Это немецкая книга?

Эмма молчала. Пауль подошёл ближе.

— Та самая?

— Какая?

— По которой папа тебя учил.

Она поняла: он знает.

— Откуда?

— Я видел раньше.

— Почему молчал?

Пауль пожал плечами.

— Ты прятала.

— И что?

— Значит, не хотела, чтобы знали.

Эмма смотрела на брата.

— Маме не говори.

— Почему?

— Потому что она заставит выбросить.

— А папа?

Слово повисло между ними.

— Папа знал.

— Что ты взяла?

— Думаю, да.

Пауль сел рядом.

— Покажи.

Эмма колебалась. Потом открыла первую страницу. Пауль прочёл надпись медленно.

— «Слова остаются...»

Он запнулся. Немецкий читал хуже сестры.

Эмма продолжила:

— «Когда многое другое исчезает».

Пауль посмотрел на неё.

— Папа написал?

— Да.

— Когда?

— Давно.

Он коснулся страницы пальцем.

— А меня по ней не учили.

— Ты уже учился по другим книгам.

— Я немецкий хуже знаю.

— Знаю.

— А Лиза ещё хуже.

Эмма закрыла букварь.

— Поэтому и нельзя потерять.

Пауль подумал. Потом кивнул.

— Я никому не скажу.

— Точно?

— Точно.

— Даже маме.

— Даже маме.

Он встал. Уже отходя, остановился.

— Эмма.

— Что?

— А ты меня научишь?

— Чему?

— Немецкому.

Она посмотрела на брата. Ещё несколько месяцев назад такой вопрос не означал бы ничего особенного. Теперь он звучал почти как тайный договор.

— Когда?

Пауль пожал плечами.

— Когда никто не видит.

Эмма почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Она посмотрела на букварь. Потом на брата.

— Научу.

Пауль ушёл на своё место. Эмма спрятала Fibel за рейкой

чемодана, аккуратно прижала дерево и поставила вещи обратно. Теперь тайну знали двое. Перед сном она долго лежала с открытыми глазами. Впервые после выселения мысль о букваре изменилась. До сих пор он был связью с прошлым — с отцом, домом, детством. Теперь вдруг оказалось, что книга может быть нужна и для будущего. Эмма ещё не стала учительницей. У неё не было училища, класса, доски и диплома. Но уже появился первый ученик. И учить его предстояло тому языку, который от них теперь требовалось забывать.

Глава одиннадцатая

Первый урок

Первый урок Эмма провела ночью, при закрытой двери и почти погашенной лампе. Она дождалась, когда в бараке стихнут разговоры, когда Лиза перестанет ворочаться возле матери, а Марта Шульц со своими детьми устроится на нарах. Третья семья ещё некоторое время шепталась в противоположном углу, потом и там стало тихо. Только ветер время от времени ударял в стену, заставляя дрожать маленькое оконное стекло. Пауль лежал, отвернувшись к стене, и делал вид, что спит. Эмма знала, что не спит. Она несколько раз посмотрела в его сторону, но он не двигался. Наконец Эмма тихо кашлянула. Пауль сразу повернулся.

— Сейчас?

Эмма приложила палец к губам.

— Тихо.

Он осторожно спустил ноги с нар и подошёл. Эмма сиде-

ла возле чемодана. Она уже успела вытащить вещи, отогнуть деревянную рейку и достать Fibel. Книга лежала у неё на коленях, прикрытая платком.

— Покажи.

— Подожди.

Эмма снова оглянулась. Мать лежала спиной к ним. По ровному дыханию трудно было понять, спит она или нет.

— Если мама проснётся, сразу закрываем.

— Почему ты её так боишься?

— Я не боюсь.

— Боишься.

— Пауль.

— Что?

— Хочешь учиться или разговаривать?

Он улыбнулся.

— Учиться.

Эмма открыла букварь. Запах старой бумаги показался ей почти невозможным здесь, в бараке, где всё пахло сырой глиной, дымом, одеждой и чужими людьми. Этот запах принадлежал другому дому, другой комнате, летнему вечеру, когда отец сидел рядом и водил пальцем по строке. Она нашла одну из первых страниц.

— Начнём отсюда.

Пауль нахмурился.

— Я буквы знаю.

— Тогда читай.

Он наклонился. Первое слово прочёл легко. На втором за-
пнулся. Третье произнёс с русским звуком. Эмма сразу по-
правила.

— Не так.

— Какая разница?

— Большая.

— Смысл тот же.

— Пока учишься,

до правильно.

Пауль посмотрел на неё.

— Ты уже как Мария Ивановна.

Эмма невольно улыбнулась.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Значит, получается.

Она снова показала на строку.

— Читай.

Пауль продолжил. Медленно. Иногда угадывая слово по картинке, иногда вспоминая, как говорили дома родители. Устный немецкий он понимал гораздо лучше, чем читал. Многие слова знал, но никогда не задумывался, как они выглядят на бумаге. Через десять минут он начал раздражаться.

— Глупость.

— Что?

— Я и так знаю, как это говорится.

— А написать можешь?

— Зачем?

— Чтобы уметь.

— Кому я буду писать по-немецки?

Эмма не ответила сразу. Вопрос оказался труднее, чем Пауль предполагал.

— Себе.

— Зачем писать себе?

— Чтобы не забыть.

Он пожал плечами.

— Я не забуду.

— Откуда знаешь?

— Мы же дома говорили.

Эмма посмотрела на брата.

— А сегодня?

Пауль замолчал. За весь день они действительно почти не произнесли ни одного немецкого слова. На работе Эмма говорила по-русски. В бараке тоже. Мать иногда машинально обращалась к Лизе по-немецки, потом сама переходила на русский. Даже Марта, которая раньше дома говорила почти только по-немецки, теперь старалась не выделяться. Пауль снова посмотрел в книгу.

— Давай дальше.

Эмма не сказала ничего. Только перевернула страницу. Так начался её первый настоящий урок.

* * *

Через несколько дней работа на току стала привычной. Эмма приходила утром, получала листы, проверяла весы и записывала количество мешков. Кладовщик, которого звали Степан Андреевич, сначала перепроверял каждую строчку. Потом перестал.

— Сегодня сама сводку сделаешь.

— Какую?

— Итог за день.

— Покажите.

Он дал ей вчерашний лист.

— Вот образец.

Эмма изучила.

— Здесь ошибка.

Степан Андреевич посмотрел.

— Где?

Она показала.

— Тридцать восемь плюс двадцать семь будет шестьдесят пять, а у вас шестьдесят четыре.

Он забрал лист, посчитал сам, потом ещё раз.

— Верно.

Эмма почувствовала удовлетворение.

— Я же говорила, что умею считать.

— Один раз правильно посчитала и уже бухгалтер.

— Не один.

Старик хмыкнул.

— С характером ты.

— Плохо?

— Пока не знаю.

Он снова посмотрел на ошибку.

— Хорошо, что увидела.

Эмме нравилось работать рядом с цифрами. Они не зависели от слухов, распоряжений и фамилий. Если двадцать семь прибавить к тридцати восьми, получится шестьдесят пять, независимо от того, кто считает — русский, немец, казах или кто-либо другой. В этом была почти утешительная

честность. Однако даже цифры здесь иногда начинали говорить о вещах, которые Эмме не нравились. Она записывала количество зерна и всё чаще замечала, как рабочие смотрят на мешки. Не как на товар. Как на еду.

Однажды женщина, работавшая возле веялки, подняла несколько рассыпавшихся зёрен и быстро сунула их в карман. Эмма увидела. Женщина тоже увидела, что Эмма заметила. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом женщина сказала:

— Просыпалось.

— Вижу.

— Всё равно в грязь.

Эмма ничего не ответила. Вечером она рассказала матери. Анна отреагировала спокойно.

— И что?

— Она зерно взяла.

— Немного?

— Горсть.

— Значит, детям.

— Но это же...

Эмма не договорила.

— Что?

— Нельзя.

Мать посмотрела на неё.

— А голодать можно?

Эмма замолчала. Анна продолжила чистить картошку.

Картошки было мало — несколько мелких клубней, которые удалось получить после работы.

— Ты её выдала?

— Нет.

— Вот и правильно.

— Но если спросят?

Мать подняла глаза.

— Не спрашивали.

Эмма подумала о немецком букваре. О книге тоже никто не спрашивал. Пока.

Первый ответ на письмо пришёл через три недели. Не письмо даже, а небольшая официальная бумага. Эмма принесла её с почты. Анна увидела конверт и сразу бросила всё, что делала.

— Откуда?

— Районная комендатура.

Руки у матери задрожали.

— Открывай.

— Ты сама.

— Открывай!

Эмма разорвала край. Внутри был один лист. Она пробежала глазами и сразу поняла: ничего.

— Читай.

Эмма не хотела.

— Мам...

— Читай.

Она начала:

— «На ваш запрос о местонахождении гражданина Вайса Якоба Генриховича сообщаем, что сведениями о его нахождении районная комендатура не располагает».

Анна стояла.

— Дальше.

— «Рекомендуем обратиться по месту первоначального формирования эшелона».

— Всё?

— Ещё подпись.

— Всё?

— Да.

Мать вырвала бумагу из её рук и прочитала сама. Один раз. Потом второй.

— По месту формирования.

Эмма осторожно сказала:

— Можно написать.

— Конечно.

— Адрес надо узнать.

— Узнаем.

— Мам, мы уже писали туда.

— Напишем ещё раз.

— Хорошо.

Анна посмотрела на неё.

— Почему ты так говоришь?

— Как?

— Будто жалеешь меня.

— Я не...

— Не надо.

Она сложила бумагу очень аккуратно и положила к документам. Через несколько минут снова достала.

— Эмма.

— Что?

— Напиши сегодня.

— Хорошо.

— Сегодня.

— Я поняла.

Ответ, в котором не было никаких сведений, мать всё равно сохранила. Потом таких бумаг станет много, но эта была первой. Первым официальным подтверждением того, что государство, которое забрало Якоба из семьи, теперь не знает, где он находится. Или не хочет сказать. Эмма пока не знала, что страшнее.

По вечерам становилось всё холоднее. Лето уходило быстро. Степь меняла цвет. Трава выгорала, ветер усиливался, по утрам возле воды появлялась тонкая корочка льда. Совхоз готовился к зиме. В бараке залатали окно. В печи начали топить. Дров было мало, поэтому собирали всё, что могло гореть: сухую траву, щепки, старые ящики, кизяк. Анна впервые увидела, как местные женщины сушат лепёшки из навоза, и долго не могла поверить, что этим действительно топят.

— И запаха нет? — спросила она у Айжан.

Айжан поняла не всё. Эмма попыталась объяснить. Женщина засмеялась, потом показала на высохшие лепёшки.

— Сухой. Хороший.

Анна понюхала.

— Хороший, говорит.

Эмма тоже засмеялась. Айжан теперь приходила к ним иногда. Русский знала плохо, Анна не знала казахского, поэтому разговоры получались странными: половина словами, половина руками. Но со временем они начали понимать друг друга. Однажды Айжан принесла шерстяные носки для Лизы. Анна сразу отказалась.

— Нет, нет. У вас свои дети.

Айжан не поняла. Анна показала на мальчика.

— Ему.

Айжан покачала головой.

— Есть.

И сунула носки Лизе. Девочка обрадовалась.

— Мне?

— Тебе, — перевела Эмма, хотя перевод не требовался.

Анна долго держала носки в руках. Потом принесла из вещей небольшое вышитое полотенце и протянула Айжан. Та сначала тоже отказалась.

— Возьми, — сказала Анна. — Иначе носки не возьму.

Айжан не понимала слов, но поняла жест. Взяла. Развернула. На полотенце была простая красная вышивка, которую Анна сделала ещё до рождения Эммы. Айжан провела паль-

цами по узору.

— Красиво.

Это слово она знала. Анна улыбнулась.

— Красиво.

Эмма смотрела на них и думала, что две женщины, которые почти не могут разговаривать, договорились быстрее многих людей, говорящих на одном языке.

Пауль занимался с Эммой два или три раза в неделю. Иногда уроки длились пятнадцать минут, иногда час. Всё зависело от того, насколько долго спали остальные. Эмма заставляла его читать вслух шёпотом. Потом писать. Бумаги было жалко, поэтому использовали поля старых листов и обратную сторону каких-то ведомостей, которые Степан Андреевич разрешил забрать с тока.

— Это мусор, — сказал он. — Только чтобы цифры старые не перепутала.

Эмма принесла домой целую пачку. Пауль написал первое слово.

Haus.

Эмма посмотрела.

— Хорошо.

— Криво.

— Ничего.

— Ты говорила, надо правильно.

— Правильно — это буквы. Красиво потом.

Он написал снова.

— Haus.

— Теперь дальше.

— Mutter.

— Хорошо.

— Vater.

Эмма замолчала. Пауль тоже. Слово лежало на бумаге. Отец. Он посмотрел на сестру.

— Ещё?

— Давай другое.

— Почему?

— Просто.

— Ты сама сказала не пропускать.

Эмма вздохнула.

— Хорошо. Пиши.

Пауль написал Vater ещё раз. Потом ниже:
Jakob.

Эмма не поправила. Он добавил фамилию.
Weiß.

— У нас в документах через «ай» по-русски.

— Это по-русски.

— А папа как писал?

Эмма открыла букварь и показала подпись на старой странице. Пауль долго смотрел.

— Его почерк.

— Да.

— Я забыл.

— Что?

— Как он пишет.

Эмма почувствовала боль. Прошло всего несколько месяцев. Уже можно было забывать.

— Поэтому учись.

Пауль кивнул. В ту ночь он написал имя отца несколько раз. Не как упражнение. Чтобы сохранить.

Лиза однажды застала их. Она проснулась и молча стояла возле нар, пока Эмма не заметила.

— Лиза!

Пауль быстро закрыл книгу. Девочка нахмурилась.

— Что вы делаете?

— Ничего.

— Все всегда говорят «ничего».

Эмма чуть не рассмеялась.

— Иди спать.

— Покажи.

— Нельзя.

— Почему Паулю можно?

Он вмешался:

— Потому что я старше.

— Эмма старше тебя, а мама старше Эммы.

— И что?

— Значит, маме тоже можно.

Эмма прикрыла глаза.

— Тихо.

Лиза подошла.

— Это папина книга?

Пауль посмотрел на Эмму. Эмма поняла: скрывать уже бессмысленно.

— Да.

— Fibel?

— Ты помнишь?

— Я видела.

— Маме не говори.

Лиза сразу заинтересовалась.

— Почему?

— Потому что это секрет.

— Наш?

— Наш.

— И мой?

— Если будешь молчать.

Девочка задумалась.

— А зачем он нужен?

Пауль важно сказал:

— Мы учим немецкий.

Лиза посмотрела на него.

— Ты и так немец.

— Это не одно и то же.

— А я?

— Ты тоже.

— Тогда зачем учить?

Пауль растерялся. Эмма улыбнулась.

— Потому что слова можно забыть.

Лиза удивилась.

— Как?

— Просто перестаёшь их говорить, а потом однажды не можешь вспомнить.

— Я не забуду.

— Все так говорят.

Эмма подумала, что произнесла почти отцовскую фразу. Лиза села рядом.

— Я тоже хочу.

— Сейчас?

— Да.

— Ты маленькая.

— Мне семь.

— Именно.

— В школе учат с семи.

Пауль захихикал.

— Она тебя поймала.

Эмма посмотрела на сестру.

— Хорошо. Только тихо.

Так у неё появился второй ученик. Она показала первую букву.

Лиза сразу сказала:

— Я знаю.

— Тогда читай.

Девочка прочла неправильно. Пауль рассмеялся.

— Тихо!

Лиза толкнула его.

— Сам плохо читаешь.

— Уже лучше тебя.

— Потому что ты начал раньше.

Эмма смотрела на них и вдруг почувствовала себя почти счастливой. Совсем немного. Всего на несколько минут. Перед ней были два ребёнка. Между ними лежал букварь. Она объясняла буквы. Они спорили. Ей приходилось исправлять, повторять, придумывать примеры. Именно это она представляла весной. Конечно, не так. Не ночью. Не тайком. Не в бараке. Но всё-таки она учила.

* * *

Через неделю мать всё узнала. Не потому, что дети проговорились. Эмма сама допустила ошибку. Утром торопилась на работу и плохо спрятала книгу. Рейка чемодана осталась чуть приподнятой. Анна искала иголку, увидела это и отодвинула рейку. Эмма вернулась вечером и сразу поняла, что случилось. Fibel лежал на столе. Не спрятанный. Открытый. Мать сидела рядом. Пауль и Лиза притихли у стены. Эмма остановилась в дверях.

— Мам.

Анна не ответила.

— Ты нашла.

— Как видишь.

— Я объясню.

— Что?

— Почему взяла.

— Я знаю почему.

Эмма удивилась.

— Знаешь?

Анна закрыла книгу.

— Потому что ты такая же упрямая, как отец.

— Он разрешил.

— Не ври.

— Он сказал, что если возьму, чтобы ему не говорила.

Мать посмотрела на неё. Несмотря на ситуацию, губы едва заметно дрогнули.

— Похоже на него.

— Значит, ты не сердишься?

Анна снова стала серьёзной.

— Сердюсь.

— Почему?

— Потому что ты подвергаешь всех опасности.

— Какой?

— Не знаю.

— Вот именно.

— Эмма, не начинай.

— Никто не говорил, что книги запрещены.

— Никто много чего не говорит.

— Тогда всё выбросить?

— Я этого не сказала.

— Но ты хотела сжечь.

Мать посмотрела на первую страницу.

— Дома хотела.

— А сейчас?

Анна молчала.

Пауль вдруг сказал:

— Мы по ней учимся.

Мать медленно повернулась.

— Что?

Пауль понял, что уже поздно отступать.

— Эмма учит нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.